

Хелен Гуда
Долгожданная

«Литнет»

2025

Гуда Х.

Долгожданная / Х. Гуда — «Литнет», 2025

Гадалка нагадала приключения? Да я и сама их неплохо генерирую! Но чтобы ТАКИЕ... Магия, драконы (их даже можно оседлать!), и толпа желающих прихлопнуть «Долгожданную» из какого-то там пророчества. В общем, жизнь кипит! Бежать? Довериться двум подозрительным красавчикам, чьи взгляды обещают больше проблем, чем решений? В мире, где твоя судьба уже предрешена, а у тебя на руках – лишь чувство юмора и здравый смысл, главное – не дать себя сожрать (в прямом и переносном смысле!).#многомужество и мжм#любовь и страсть#приключения#ХЭКнига выходит в рамках литмоба «Мужей много не бывает» - Дисклеймер: книга содержит сцены 18+ (все герои книги совершеннолетние).

© Гуда Х., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	7
Глава 2.	13
Глава 3.	17
Глава 4.	27
Глава 5.	34
Глава 6.	42
Глава 7.	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Пролог.

– Где я? – оглядываюсь по сторонам.

Беседка, увитая розами различных оттенков. Никогда не видела столько роз. В воздухе, густом и пьянящем, сплетаются ароматы меда и терпких трав, рождая опьяняющий букет, от которого слегка кружится голова. Двое мужчин сидят по обе стороны от меня. Их очертания размыты, как отражение в воде, но я безошибочно узнаю их.

– Что вы здесь делаете? – обращаюсь я к знакомым незнакомцам. Раньше они снились мне порознь, наполняя сны желанием, а сейчас явились оба.

– Теперь ты моя, – прошептал брюнет и еле ощутимо прикоснулся пальцам к моей щеке.

– И моя, – вторит ему блондин и склоняется к изгибу шеи, отчего меня словно током прошибает.

Они такие разные, но мои. Один словно соткан из солнечного света, с короткими светлыми волосами и аккуратной бородкой. От него исходит тепло, вызывая доверие. Второй – загадочный, как лунная ночь, с длинными темными волосами, ниспадающими на плечи. Он окутан манящей тайной, которая влечет, пугает, но оторвать взгляд невозможно.

Сперва блондин наклоняется ко мне, и уже одного его взгляда достаточно, чтобы по телу побежала легкая дрожь.

Он смотрит на меня так, словно видит впервые, с восхищением и какой-то нежностью, которая проникает прямо в душу. Его губы мягко, словно лепестки цветка, касаются моих собственных, оставляя ощущение обжигающего тепла и безграничной нежности. Я закрываю глаза, позволяя себе утонуть в этом мимолетном прикосновении, чувствуя, как волна приятного покалывания разливается по телу, пробуждая спящие чувства. Это похоже на умиротворение после бури, на долгожданный приют после долгого блуждания. Я чувствую себя в безопасности, словно вернулась в место, где меня всегда ждали.

– Милана, – шепчет он, его дыхание касается моей щеки, – тебя так долго не было. Я так скучал.

Его слова словно музыка, и я отвечаю ему, с трудом проглатывая комок в горле:

– Я... я тоже скучала. Но где я была? – пытаюсь взять себя в руки, но не получается.

Он лишь улыбается загадочно, проводя пальцем по моей щеке.

– Неважно. Главное, что ты вернулась.

Не успеваю я ответить, как мою голову разворачивает к себе уже другой мужчина, брюнет, и прикасается к губам. Его поцелуй – это вызов, провокация. Он более требовательный, глубокий, исследующий каждый изгиб моих губ, полный страсти и невыразимых обещаний. Внутри меня взрывается пламя, жар охватывает каждую клеточку тела, заставляя кожу гореть.

Это совсем другое чувство – волнующее до потери рассудка, пугающее своей интенсивностью, но оттого еще более притягательное. Его поцелуй пробуждает во мне дикую первобытную энергию, о существовании которой я даже не подозревала. Его руки кажутся знакомыми, как будто я ждала этого прикосновения всю свою жизнь.

Отстранившись, он смотрит на меня темными горящими глазами.

– Ты знала, что это произойдет, Милана. Не отрицай.

Я чувствую, как от его взгляда дрожит каждая частичка меня.

– Я... я не понимаю, – шепчу, хотя знаю, что это ложь.

Он усмехается, его пальцы скользят по моей шее, вызывая мурашки.

– Знаешь. Просто боишься признаться. Боишься выбрать.

Я смотрю сначала на одного, потом на другого. Их взгляды притягивают как магниты. Меня разрывают два совершенно разных, но одинаково сильных желания. Растерянность переплетается с нескрываемым возбуждением, страх – с обжигающим нетерпением. Я хочу раство-

риться в каждом из них, отдать им всю себя без остатка, позволить им овладеть моей душой и телом. Я чувствую магнетизм, который исходит от них обоих, словно два полюса притягивают меня с неумолимой силой.

– Я не могу выбрать, – выдыхаю я, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Я хочу вас обоих. Это безумие.

Блондин ласково вытирает слезы с моего лица.

– Не бойся, Милана. Просто прислушайся к своему сердцу.

Брюнет перехватывает мой взгляд.

– Твое сердце уже сделало выбор. Просто позволь себе быть честной. С собой.

В отчаянии, боясь не выдержать этого напряжения, я распахиваю глаза и резко сажусь в постели, тяжело дыша. Комната тонет в предрассветном сумраке, серые тени танцуют на стенах. Сердце бешено колотится в груди, словно пойманная в клетку птица, а в голове все еще пульсируют яркие образы из сна, отпечатываясь на сетчатке глаз.

– Что это было? Что это значит? – шепчу я в пустоту дрожащим голосом, пытаюсь стряхнуть с себя остатки наваждения. Ощущение их губ все еще жжет мои, и я облизываю их, словно желая вернуть этот момент. Их слова эхом отдаются в голове: "Прислушайся к своему сердцу... Твое сердце уже сделало выбор..." Но какой выбор? Кого выбрать? И как жить с этим выбором? Что вообще со мной происходит?

Глава 1.

Моя маленькая, но уютная квартирка – мой мир, моя крепость с книгами, выстроившимися вдоль стен, словно защитники. На полках, словно артефакты, покоятся мои карты Таро – моя страсть, мой побег от серой предсказуемой реальности. Они – мой способ прикоснуться к чему-то большему, загадочному, что дремлет за гранью обыденности. Хотя, признаться, я никогда не воспринимала это всерьез, скорее как забавное хобби, способ развлечься и помечтать о другом мире, вместо того чтобы жить в этом.

Из созерцания прекрасного меня выдергивает звонок в дверь. Я даже вздрогнула, так как слишком глубоко ушла в себя. На пороге мои лучшие подруги – Катя и Оля, взволнованные, как стая шумных птиц, и полные необузданного энтузиазма.

– Мила, мы должны пойти к этой гадалке! – выпаливает Катя, едва переступив порог. Ее зеленые глаза горят нетерпеливым огнем. – Говорят, она видит все. Я слышала, она даже предсказала точную дату свадьбы Ленке из бухгалтерии. Представляешь? Ленке!

– Да ладно тебе, Кать, – отмахиваюсь я, чувствуя, как во мне просыпается раздражение. – Это бред какой-то.

Несмотря на то что я сама увлекалась гаданиями и мечтала научиться профессионально заглядывать за завесу судьбы, способности других людей я ставила почему-то под сомнения.

– Ну, пожалуйста, Миланочка, – подключается Оля, ее голос становится приторно-сладким, а это всегда означает, что она не отступит. – Это же просто развлечение. Ну что тебе стоит? И потом, мало ли, вдруг она и правда что-то увидит? Вдруг она скажет, что я скоро встречу принца на белом коне? Или получу наследство в миллион долларов?

Я сдаюсь под напором подруг, как слабая крепость под натиском умелых воинов. Любопытство, как маленький, но настойчивый червячок, начинает грызть мою душу. "Ладно, – думаю я. – Один раз живем". И я соглашаюсь составить им компанию.

В тот же день мы отправляемся в старый район города, где в невзрачном переулке, словно спрятанная от посторонних глаз тайна, скрывается крохотная лавка гадалки. Внутри полумрак, густой и осязаемый, пахнет странной смесью трав и воском свечей. Запах проникает в легкие, вызывая странное, но безумно любопытное чувство. За столом, словно за алтарем, сидит женщина с морщинистым лицом, испещренным линиями жизни и тайн, с пронизательным взглядом и, кажется, видит меня насквозь.

Гадалка раскладывает карты передо мной, ее пальцы ловко перебирают их, словно она играет на музыкальном инструменте. Она замолкает на несколько долгих мгновений, взгляд застывает на картах, словно она пытается прочитать в них самую суть моей души. А мне становится немного не по себе.

– Вижу... замужество, – наконец произносит она тихим голосом, словно говоря не со мной, а с кем-то еще, кого вижу только она. – Но не одно... а два!

Я ошарашена, словно меня ударили током. Я не собираюсь замуж. Тем более дважды. Смущенная, я молчу, стараясь не смотреть на подруг, которые переглядываются с удивлением и нескрываемым жгучим интересом. По щекам ползет предательский румянец, и я чувствую себя полной идиоткой.

– Простите, у меня и одного-то парня нет, а вы мне про двоих говорите, – я пытаюсь указать на явную ошибку в гадании. – Да и двоемужество у нас в стране запрещено законом, – заканчиваю свое невнятное бормотание шуткой и даже хохотнула, но, встретившись взглядом с гадалкой, обрываю себя и замолкаю.

– Я что вижу, то и говорю, – произносит женщина, а у меня мурашки по коже от ее взгляда, который я так и не смогла понять.

– Ладно, с меня хватит, – я с шумом отодвигаю стул и встаю под разочарованными взглядами подруг. – Девочки, идемте.

Так и завершилось мое посещение гадалки. Подруги все уши мне прожужжали, что мне надо было остаться и дослушать предсказание, но я категорически не желала даже разговаривать на эту тему. Но не говорить на эту тему еще не означает, что я об этом не думала.

Весь следующий день я мучаюсь от предсказания гадалки. Оно словно заноза в сердце, которую я не могу вытащить. Днем я пытаюсь сосредоточиться на работе, но мысли постоянно возвращаются к этим словам: "Два замужества..." Бред какой-то! Вечером я снова раскладываю свои карты, пытаюсь найти хоть какое-то подтверждение ее словам, но колода молчит. Тогда я решаю вернуться в лавку, чтобы расспросить ее подробнее, попытаться понять, что она имела в виду. Но, к моему удивлению, на месте лавки – пустое заброшенное помещение. Лишь пыль и облупившаяся краска на стенах, холод и тишина.

Разочарованная, чувствуя себя обманутой и глупой, и, чего уж там, немного испуганной, я уже собираюсь уйти, как вдруг мой взгляд падает на странный амулет, лежащий на пыльном подоконнике. Это небольшой, искусно вырезанный из дерева кулон в форме солнца. Он словно светится изнутри, притягивая меня как магнит. Необъяснимая сила тянет меня к нему. Сердце начинает бешено колотиться, в животе нарастает странное предчувствие, смешанное с ужасом и восторгом.

Я беру амулет в руки, и в этот момент все вокруг начинает меркнуть, цвета тускнеют, звуки исчезают. Комната вращается, пол уходит из-под ног, и я осознаю, что задыхаюсь. Меня затягивает в вихрь света, ослепительного и всепоглощающего, а затем... наступает полная непроглядная темнота. Темнота, пропитанная страхом и предчувствием чего-то неизбежного. "Что это? Куда я иду? Что происходит?!" – проносится в моей голове отчаянный крик, прежде чем меня поглощает небытие.

Я прихожу в себя, будто от долгого, мучительного кошмара, и первое, что чувствую, – мягкую, шелковую траву под щекой.

Боже мой, как же раскалывается голова! То ли гадалка оказалась тайным мастером боевых искусств и вырубил меня своим амулетом, то ли меня просто унесло в страну грез от переизбытка впечатлений.

Открываю глаза и замираю. Вокруг незнакомый лес, лес из какой-то другой реальности. Деревья кажутся выше и величественнее тех, что я видела в своей жизни. Их стволы обвиты мхом, словно драгоценным кружевом, а листья – невероятных, неестественно ярких оттенков зеленого.

Прямо лес из "Аватара", только без синих людей, хотя людей-то как раз я еще и не видела. Мало ли, вдруг они реально здесь синие. Здесь пахнет влажной землей, дикими цветами и чем-то еще, чем-то незнакомым, терпким, возбуждающим чувства. В этом запахе кроется тайна, которая манит и пугает одновременно. А над головой... Небо! Оно не голубое, как я привыкла, а глубокого бархатного фиолетового цвета, усеянного россыпью звезд, которых я никогда раньше не видела. "Может, у гадалки в лавке в пыли были какие-то вредные вещества и у меня сейчас галлюцинации", – вяло думаю я, понимая, что мой внутренний скептик явно не намерен сдаваться без боя.

Паника накатывает на меня волной, отнимая воздух. Гравитация, кажется, решила, что я недостаточно хорошо себя веду, и теперь планирует раздавить меня в лепешку.

Где я? Что произошло? Что это, черт возьми, за безумие? Последнее, что я помню, – лавка гадалки, пыльный подоконник и этот жуткий амулет. Неужели я сошла с ума? Может, меня пора сдать в психушку, пока не начала разговаривать с белками? Или все это – плод моего больного воображения, подкормленного дешевыми фэнтези-романами?

Я пытаюсь встать, но ноги дрожат. О, тело, спасибо за поддержку! От тебя-то я такой подянки не ожидала. Шатаюсь, как пьяная балерина, я озираюсь по сторонам, чувствуя себя

маленькой, глупой и незащитной в этом чужом пугающем мире. Сердце колотится в груди, словно пойманная в клетку птица, отчаянно пытающаяся вырваться на свободу. "Спокойно, Милана, – пытаюсь успокоить себя, – ты же филолог, а не какая-нибудь там истеричка. Ты должна уметь справляться с кризисными ситуациями". Хотя, признаюсь честно, кризиснее ситуации, чем этот межпространственный вояж, у меня еще не было. Да и по какой причине филолог должен справляться со стрессом, я не могла вспомнить.

Вдруг из-за деревьев появляются двое мужчин. Ну, конечно! Куда же без них? Они словно сошли со страниц фэнтезийной книги, которую я когда-то давно читала, когда всерьез мечтала о принце на белом коне. Хотя постойте-ка... У меня же аллергия на лошадей. Такие только в книжках и бывают. Слишком красивые, слишком пафосные, слишком... нереальные.

Первый – высокий, статный, широкоплечий, с пепельными волосами, ниспадающими на плечи, и пронзительными голубыми глазами. Он как ходячая реклама зубной пасты, только вместо улыбки у него выражение лица, говорящее: "Я повелитель этого мира, и ты, смертная, должна пасть ниц". На нем сверкающие доспехи, от которых исходит едва заметное, неземное свечение. Он выглядит как настоящий рыцарь, воплощение силы, благородства и уверенности. В его взгляде власть и спокойствие. Да уж, красавчик. Интересно, а он, случайно, не из королевской семьи? А то я как раз собиралась сменить свой социальный статус...

Второй – его полная противоположность. Темноволосый, гибкий и грациозный как пантера. Он одет в черную кожаную куртку, которая идеально облегает его мускулистое тело, подчеркивая каждую линию. Просто мечта фетишиста. Его зеленые глаза излучают хитрость, соблазн и опасную искру. Он – воплощение порока, загадки и запретного влечения. Определенно "bad boy". Интересно, у него есть татуировки?

Господи, о чем я только думаю?! Это у меня от стресса всякая чушь в голову лезет.

Мое сердце начинает биться быстрее, пропуская удары, а затем вновь бросаясь в бешеной скачке. Воздух словно сгущается вокруг меня, становится трудно дышать. У меня такое странное чувство, словно я узнаю их, хотя никогда прежде не видела. Может, это дежавю? Или я просто вспомнила их из своих эротических фантазий? В голове всплывает смутный образ из сна: беседка, увитая розами, ее пьянящий аромат, и двое мужчин, стоящие рядом. Эх, сон был, кажется, с рейтингом 18+. Сон, который я всегда считала лишь случайным порождением воображения и интимной неудовлетворенности.

– Кто ты? – спрашивает блондин, его голос звучит властно, но в нем чувствуется скрытая настороженность. А вот и принц заговорил. Интересно, он умеет превращать лягушек в кареты? Или что там было в сказке? Мысли почему-то путаются.

– И что ты делаешь на нашей территории? – добавляет брюнет, его взгляд скользит по мне с нескрываемым интересом, заставляя меня покраснеть. Он смотрит на меня, как хищник на добычу. Так, спокойно, Милана. Нужно держать лицо. Хотя, может, ему просто понравилась моя новая кожаная куртка, и он и себе такую же захотел?

Первая мысль была – сказать правду. Что я обычная студентка филоло... А, ну да. Если сейчас признаюсь, что я всего лишь филолог, они точно решат, что я сумасшедшая, и запрут в темнице. Нужно срочно придумать новую биографию. И лучше с элементами героизма и приключений. Но пока воздержусь от откровений.

– Я обычная... путешественница, заблудилась в лесу, – бормочу еле слышно. Хотела что-то еще добавить что-то про флору и фауну, но в последний момент передумываю. Голос предательски дрожит, слова путаются. Ну кто поверит в эту чушь?

Мужчины обмениваются красноречивыми взглядами, сужая глаза, и смотрят на меня с недоверием, словно я плету какую-то нелепую сказку, достойную детского утренника.

– Ты – пришедшая из другого мира, – произносит блондин, его голос становится серьезным, а взгляд – пронизательным. – Мы давно ждали тебя.

"Ждали? Меня?" – эта мысль продолжала нарезать круги в голове, словно пчела-камикадзе в поисках слабого места. Зачем я им сдалась? Может, местные жители практикуют поклонение заплутавшим туристкам? Или я – идеальный подопытный для испытания новых экспериментальных ядов? В любом случае перспектива не радужная.

В горле развернулась Сахара, и никакое количество воображаемых оазисов не могло ее оттуда выгнать.

– Ждали... По какому поводу? – мой вопрос прозвучал хрипло и неуверенно, как кашель старого мотора. Страх прилип к коже, словно жвачка, и мешал нормально соображать.

Блондин – однозначно "прЫнц", а может, и король, кто их там разберет, – сделал шаг вперед. Я автоматически отступила, чувствуя себя мышкой перед удавом. Он окидывал меня взглядом, будто приценивался к товару на барахолке.

– Твое прибытие было предсказано. Ты – ключ к... кое-чему важному, – усмехнулся он уголком губ, а мне вот совсем его ухмылочка не понравилась.

"Важно кое-что..." – передразнила я в мыслях, закатывая глаза. Серьёзно? Это все, на что способен местный отдел пророчеств? Где хоть какая-то конкретика?

Брюнет, или как его мысленно окрестила "бедбой", с хищной усмешкой обошел меня по кругу. Складывалось ощущение, что я участвую в конкурсе "мисс беспомощность". Его взгляд прожигал дыру в моей и без того дырявой самооценке. Я чувствовала себя музейным экспонатом... и явно не самым ценным. Скорее забытой мумией в подсобке.

– Ключ? К чему, интересно, ключ? – попыталась я вытянуть из них хоть какую-то информацию. – К двери в тайную сокровищницу, где хранятся вековые запасы тушенки? К всеобщему просветлению и нирване? Или к апокалипсису с зомби, чтобы жизнь вообще стала веселой? – мой сарказм, кажется, работал как щит, защищая разум от паники.

– К правде, – отрезал "прЫнц" тоном, не терпящим возражений. В его голосе не было ни намек на шутку. Похоже, парни настроены серьезно. У меня плохое предчувствие... Хотя когда оно у меня было хорошим?

– Какой правде? – простонала я, чувствуя себя героиней низкобюджетного триллера.

– Правда... о тебе, – промурлыкал "бедбой", облизывая губы и не сводя с меня этого жутковатого взгляда. Готова поспорить, он сейчас представляет меня на гриле с яблоками.

Так, стоп, стоп, стоп! Обо мне? Да я сама о себе знаю столько же, сколько о квантовой физике! Выходит, я – ходячий ребус для начинающих эзотериков? Или, что еще хуже, персональный квест для двух страдающих от скуки суперменов? В любом случае ситуация становится все более абсурдной и... потенциально опасной.

Не успела я придумать подходящий саркастический ответ, как "прЫнц" взмахнул рукой, и лес моментально заиграл новыми красками. Деревья зашелестели листвой, порывом ветра поднялся мини-торнадо из опавших листьев, и откуда-то издали донеслись трели райских птиц. Слишком красиво, слишком безупречно, слишком... фальшиво. Как будто я попала в диснеевский мультфильм, где в любой момент может запеть белочка.

– Пойдем с нами, – бескомпромиссно произнес "прЫнц". – Мы объясним тебе все, что ты должна знать.

"Пойдем с нами..." – звучало как предложение, от которого нельзя отказаться. И, судя по всему, это была абсолютная правда. Но разве у меня есть хоть какой-то выбор?

– А можно сначала кофе? – я попыталась изобразить невинность на лице, но получилось скорее несварение желудка. – Ну, или хотя бы чай с печеньками? А то я что-то немного... дезориентирована. В смысле, совсем чуть-чуть!

На лице "бедбоя" появилось какое-то растерянное выражение. Кажется, я сломала мозг местному плохишу, но он быстро сориентировался.

– Еда будет потом, а сейчас надо остаться в живых.

– А вот от кончины придется воздержаться, в мои планы помирать не входило, – попыталась отшутиться, но, видимо, мужчина не шутил.

Тяжело вздохнув, я сделала шаг вперед. "Что ж... будем считать, что у меня сегодня день открытый, — подумала я. – Главное – не забывать конспектировать происходящее. В конце концов, из этого может получиться отличный бульварный роман. Главное, чтобы финал был счастливым. И желательно с прЫнцем. И даже, наверное, не сильно важно, с которым из этих двоих. Они, в принципе, оба хороши.

Делать нечего, пришлось плестись вместе с ними в лес. Стараясь не переломать себе ноги и не свернуть шею, так как я крутила головой практически на сто восемьдесят градусов, настолько мне было интересно куда я попала, и самое главное как мне отсюда выбраться.

С мысленной гримасой победившего мазохиста я поплелась следом за моими самопровозглашенными спасителями вглубь этого явно недружелюбного леса. "ПрЫнц" в своем воображаемом сиянии шел впереди, излучая эталонную самоуверенность, словно только что собственноручно прикончил дракона-переростка и даже не запачкал белоснежные доспехи. "Бедбой" крался следом с грацией хищника, явно мечтающего о свежатинке на ужин. Я же, зажата между этими двумя, казалось, сошедшими со страниц фэнтезийного романа, старалась не свалиться лицом в пахучую листву и не сломать себе что-нибудь жизненно важное. Мой внутренний филолог – зануда – судорожно фиксировал каждую деталь для будущих псевдонаучных изысканий, а внутренняя истеричка, наоборот, бился в припадке, требуя валерьянки в промышленных масштабах и срочную телепортацию обратно в цивилизацию, где единственная дичь – это просроченная пицца в холодильнике.

Чем дальше мы продирались сквозь заросли, тем бредовее становился окружающий мир. Деревья, словно в плохом театре теней, складывали свои ветви в злоеущие фигуры, шептали что-то на языке, который мог бы придумать только обезумевший лингвист. Свет, пробивающийся сквозь плотную крону листвы, играл злые шутки, превращая обычные тени в пляски демонов. А мои ноги, проклиная все на свете, то и дело проваливались во что-то отвратительно-сколизкое, чью природу я предпочитала не выяснять. И, разумеется, местная фауна, представленная комарами размером с небольшую дирижабль, решила, что моя кровь – это деликатес, достойный самых высоких похвал. Честное слово, если бы у меня была ракетница, я бы, не задумываясь, объявила этим кровососам войну.

И вот, наконец, после очередного издевательского поворота тропы перед нами открылась поляна. Но даже здесь, в самом сердце дикой природы, мои новые знакомые не изменили своим привычкам. Нет, это было не просто место для пикника. Это был настоящий лагерь, словно перенесенный со съемочной площадки псевдоисторического фильма. Посреди поляны потрескивали костры, вокруг которых жались люди. Мужчины и женщины, облаченные в замысловатые, но явно непрактичные наряды, занимались каждый своим делом. Кто-то старательно точил мечи, словно собирался на крестовый поход в ближайшую булочную, кто-то колдовал над котлом, источающим такой сомнительный аромат, что даже моему желудку стало страшно, а кто-то просто болтал, смеялся и горланил песни, от которых у меня начинал дергаться глаз.

Но самым странным, даже по меркам этого дурдома, было то, что лагерь был жестко разделен на две непримиримые половины. Словно кто-то решил устроить соревнования по контрастному дизайну. Одна половина купалась в искусственном свете – белоснежные шатры, белые одежды, украшения из полированного до блеска серебра. Люди здесь, казалось, питались исключительно солнечным светом и позитивом, их лица светились какой-то нездоровой умиротворенностью. Другая половина, наоборот, утопала во мраке – черные шатры, черные наряды, украшения из грубого черного металла, щедро украшенные шипами и черепами. Эти ребята, казалось, высасывали энергию из самой тьмы, их лица выражали силу, решительность и готовность к внезапной и кровопролитной драке.

А в самой середине этой дихотомии, словно гвоздь в ботинке у пацифиста, возвышался огромный шатер. Он был разделен пополам – одна половина из ослепительно-белой ткани, другая – из зловеще черной. Словно свадебное платье для падшего ангела. Конструкция шатра поражала своей нелепой роскошью, словно архитектор пересмотрел «Игру Престолов» и решил, что пора воплощать свои безумные фантазии в жизнь. "Похоже, здесь у нас полный набор для страдающего раздвоением личности: инь и ян, добро и зло, попкорн и кола, – подумала я, – главное, чтобы у них за феншуй не отвечал психиатр-садист".

"ПрЫнц" и "бедбой", как два конвоира, протащили меня к шатру, игнорируя заинтересованные взгляды и бурные обсуждения обитателей этого цирка. Одни таращились на меня с любопытством, другие одаривали откровенной неприязнью. Я же старалась сохранять максимально невозмутимое выражение лица, изображая, что всю жизнь провела в компании фэнтезийных фанатиков. Кто знает, что может взбрести в голову этим ролевикам?

Когда мы остановились у входа в шатер, "ПрЫнц" соизволил нарушить молчание.

– Располагайся, – произнес мужчина и отошел в сторону, придерживая полог шатра.

Уважаемые читатели, эта книга выходит в рамках литмоба #мужей_много_не_бывает.

Тринадцать авторов. Тринадцать историй о любви. Тринадцать героинь и море невероятных мужчин.

Книги можно найти по этой ссылке <https://litnet.com/shrt/kjPW>

Глава 2.

Куковала я в гордом одиночестве не так уж и долго – минут двадцать, может, от силы – тридцать. Как раз хватило времени, чтобы более-менее осмотреться и, наконец, до конца осознать всю нереальность произошедшего со мной. Видимо, мой застрессованный мозг до этого находился в состоянии перманентного шока и отказывался воспринимать творящийся вокруг хаос, но сейчас, окидывая взглядом роскошное убранство шатра, я почувствовала, как реальность, какой бы безумной она ни была, обрушивается на меня всей своей тяжестью.

Внутри шатер оказался еще более вычурным и нелепым, чем снаружи. Половина его была оформлена в белоснежных тонах: шелковые драпировки, серебряные подсвечники, изящная мебель из слоновой кости. Другая же половина была погружена в полумрак: черные бархатные ткани, кованые канделябры, массивная мебель из темного дерева, украшенная устрашающими символами. Все это создавало жуткий, но одновременно завораживающий эффект, словно дизайнер страдал тяжелой формой биполярного расстройства.

Не успела я закончить осмотр этого "шедевра", как в шатер начали вносить подносы с едой. Слуги, одетые в роскошные, но непрактичные одежды, кланялись мне чуть ли не в пояс, ставя передо мной блюда: фрукты, диковинные сладости, пироги с мясом, напитки, от которых исходил соблазнительный аромат. Столько еды я не видела даже на самых щедрых шведских столах в пятизвездочных отелях. Хотя о чем это я. Я в них никогда не была.

А потом в шатер внесли огромный медный чан, украшенный причудливым орнаментом. Несколько слуг принялись наполнять его теплой водой, добавляя туда душистые травы и лепестки роз. Пар от воды наполнил шатер пьянящим ароматом, мгновенно расслабляя меня и усыпляя бдительность.

– Госпожа, — склонился передо мной один из слуг, — позвольте предложить вам омовение. Это поможет вам отдохнуть и восстановить силы после долгого пути.

"Долгого пути? Я что, всю жизнь сюда добиралась?" – подумала, но вслух, разумеется, ничего не сказала. Отказываться от ванны в сложившейся ситуации было бы просто глупо. Еще непонятно когда в следующий раз представится такая возможность.

После того как чан был наполнен до краев, а слуги удалились, оставив меня наедине с моими мыслями и благоухающей водой, я решила на этот странный ритуал. Раздевшись догола и погрузившись в теплую воду, я почувствовала, как напряжение и усталость постепенно покидают мое тело. Аромат трав и роз окутывал меня, словно мягкое одеяло, а мысли в голове становились все более спокойными и ясными. А эти черно-белые знаю толк в расслаблении.

Когда омовение было закончено, и я, окрыленная чистотой и покоем, вышла из чана, меня ждал очередной сюрприз. На ближайшем столике лежал роскошный наряд, чем-то напоминающий традиционную турецкую одежду: широкие шаровары из тонкого шелка, расшитый золотом короткий камзол, пояс с драгоценными камнями и легкая вуаль, скрывающая лицо. Все это выглядело слишком изысканно и красиво, чтобы быть правдой, но в этом безумном мире, кажется, возможно все.

И как прикажете на это реагировать?

Вздыхнув, я осторожными движениями коснулась шелковистой ткани. Наряд был не просто великолепен, он был вызывающе великолепен. Тончайший шелк, казалось, дышал на моей коже, лаская каждый миллиметр. Вышивка сложными узорами переливалась в зыбком свете канделябров, то вспыхивая золотыми искрами, то мерцая приглушенным серебром. Драгоценные камни на широком поясе, затянутом на талии, словно подмигивали мне, намекая на богатство, власть и на ту самую сказку, в которую я, кажется, угодила, не спросив разрешения.

Но, облачившись в эти одежды, я испытала странное, парадоксальное чувство – я ощущала себя... голой. Нет, дело было вовсе не в откровенности фасона – наоборот, наряд был на

удивление закрытым, скромно обрисовывающим фигуру, но не выставляющим ничего напоказ. Проблема была глубже. Это был чужой покров, чужой стиль, чужая жизнь, насильно навязанная мне. Я чувствовала себя в нем неуютно, как будто роль, которую мне предложили сыграть, была написана не для меня. Словно нарядилась в костюм принцессы на театральной постановке для школьного утренника – вроде бы и красиво, ярко, но совершенно нелепо и фальшиво.

Неуверенно, будто воровка, пробравшаяся в чужой дом, я огляделась в поисках своей старой одежды. Той самой, в которой я еще пару часов назад чувствовала себя собой. Вопрос "Куда она подевалась?" прозвучал у меня в голове скорее утверждением, чем вопросом. Еще минуту назад моя старая джинсовая куртка, пропахшая пылью дорог и дымом костра, и мои выдавшие виды кеды, помнившие сотни километров пути, валялись где-то здесь, на резном стуле. Но сейчас... ничего. Абсолютная пустота. Словно моя привычная экипировка просто растворилась в этом чрезмерно роскошном царстве шелка и золота, превратившись в дым, повинувшись щелчку пальцев какого-то сумасшедшего волшебника.

И тут меня осенило. Я даже не заметила, когда эти услужливые тени-слуги успели незаметно вынести мою одежду из шатра. Как они могли так бесшумно проникнуть внутрь, оставаясь совершенно незамеченными, словно призраки? У них что, подошвы обуви сделаны из толченой пылицы фей, а сами они прошли курс маскировки у ниндзя-ассасинов? Странное чувство – то ли восхищение, то ли легкий испуг, – пробежало морозцем по моей спине.

Понимая, что выбора у меня немного, я принялась обшаривать взглядом весь шатер, словно загнанный зверь, ищущий хоть какой-то намек на спасение. Моя цель – найти что-то более-менее привычное, что можно было бы накинуть на себя, чтобы чувствовать себя немного комфортнее и перестать ощущать себя экспонатом в помпезном музее костюма, выставленным на всеобщее обозрение. Мои руки уже нерешительно потянулись в сторону вышитого золотыми нитями халата, больше подходящего для восточного шейха, но в этот момент мой взгляд внезапно заискрился, зацепившись за что-то куда более подходящее.

На одном из кресел словно по волшебству – или скорее словно подброшенное туда добрыми духами здравого смысла – лежало толстое шерстяное покрывало. Обычное, простое, грубое, местами даже колючее, но такое... приземленное, такое родное. Без лишних украшений, без претензий на роскошь, оно словно кричало мне: "Эй, полегче! Все будет хорошо. Ты еще вернешься домой, в свой привычный мир. Просто потерпи немного".

Не раздумывая ни секунды, я схватила это спасительное покрывало и с головой закуталась в него, словно в самую надежную броню, защищающую меня от назойливых взглядов и чужого влияния. Да, это было не самое элегантное решение, возможно, даже довольно комичное – представьте себе, аляповатый турецкий наряд, богато украшенный драгоценностями, и сверху наброшенное грубое шерстяное покрывало, – но мне было абсолютно наплевать на мнение окружающих. Сейчас мне было гораздо важнее ощутить себя в безопасности, хоть немного скрыть наготу, символизирующую мою уязвимость, от этих незнакомых и странных людей.

Ощувив знакомую тяжесть шерсти на плечах, вдыхая ее слабый, едва уловимый запах, я немного успокоилась. Дыхание выровнялось, тревога немного отступила. Теперь я выглядела не как безвольная марионетка, которую нарядили по чужой прихоти, а как хиппи, случайно забредшая на костюмированную вечеринку, не поняв дресс-код. И, честно говоря, второй вариант мне нравился гораздо больше.

Теперь я сидела, закутанная в покрывало словно в кокон, и ждала, что же будет дальше. Ну не совсем ждала, вернее не только ждала, но еще и подбедала угощения, что были на подносах, надеясь что мне за это не влетит от "Прынца" и "Бэдбоя". Когда я наелась, стало скучно.

Я ждала, кто решится первым нарушить эту тягостную тишину и появиться в дверях шатра – учтивый принц с манерами лошеного аристократа, импульсивный "плохой мальчик", от которого веет опасностью за километр, или, может быть, сам Сатана собственной персоной в безупречном смокинге и с дьявольской ухмылкой на губах. Но самое главное, я отчаянно

ждала ответов на вопросы, которые роились в моей голове, подобно взбесившемуся пчелиному рою. Кто все эти люди? Что им нужно от меня? И как, черт возьми, мне, простой студентке философского факультета, вернуться домой, в свою тихую, предсказуемую жизнь?

Тишина в шатре ощутимо давила на меня, словно бетонная плита, готовая в любой момент раздавить своей тяжестью. Слышно было только тихое потрескивание канделябров, отбрасывающих причудливые тени на стены, и мое собственное сбивчивое дыхание, выдающее мое волнение. Внезапно полог шатра с легким шорохом откинулся в сторону, и в проеме появился...

Полог шатра с легким шорохом откинулся в сторону, и в проеме появился... огромный персидский кот. Нет, не просто кот – КОТ. Он был настолько пушистым, что казался скорее бесформенным облаком шерсти, чем живым существом. Его длинная шелковистая шерсть переливалась всеми оттенками бежевого и кремового, а огромные выразительные глаза смотрели на меня с невозмутимым достоинством монарха. Да уж, только кота мне тут и не хватало! Интересно, он тоже часть тщательно разработанного плана по моему порабощению? Или просто сбежал из ближайшего гарема, решив, что на воле приятнее будет набить пузо?

Кот лениво потянулся, демонстрируя невероятную грацию, зевнул во всю кошачью пасть (надеюсь, не заразно) и, вальяжно переваливаясь с боку на бок, направился ко мне. Он двигался так, будто оказывал мне величайшую честь своим появлением. Подойдя ко мне, он потерся головой о мои ноги, мурлыча настолько громко, что, казалось, вибрируют стены шатра. "Ну вот, еще и липнет!" – подумала я, но вслух ничего не сказала. Не хотелось обижать потенциального союзника. Мало ли, вдруг именно он окажется ключом к моему спасению.

Я не удержалась и присела на корточки, протягивая руку, чтобы погладить это мохнатое чудо. Кот снисходительно позволил мне это сделать, прикрыв глаза от удовольствия. Шерсть была невероятно мягкой и шелковистой, словно облачко. "Интересно, каким шампунем его моют? И сколько он вообще весит?" – размышляла я, увлекаясь, глядя кота за ушами, почесывая пузико и шею. Кот довольно щурился и урчал все громче. "Наверное, тоже привык, что его все беспрекословно слушаются."

Я совсем забыла о тревоге и ожидании. Возня с этим гигантским котом оказалась невероятно успокаивающей. Я почувствовала себя немного лучше, словно он своей пушистой аурой прогнал часть страха и неуверенности. Идиотские мысли, конечно, но сейчас я готова была верить во что угодно, лишь бы не сойти с ума от всего происходящего.

Внезапно я вспомнила о подносах с угощениями. "Интересно, а коты такое едят?" – подумала я и взяла со стола небольшую тарталетку с фруктами. Кот проследил за моими действиями с нескрываемым интересом. Я протянула ему тарталетку, и он, недолго думая, принялся ее уплетать, изящно перебирая лапками. Аристократ, чего уж.

Я хихикнула. "Вот обжора! – подумала я, наблюдая, как кот поглощает уже вторую тарталетку. – Наверное, его хозяева кормят одной икрой и фуа-гра".

Проведя так, наверное, час, глядя и кормя пушистого гостя, я почувствовала, как накапливается усталость. Все-таки бессонная ночь и неожиданное перемещение в этот сказочный мир давали о себе знать. Я зевнула, потянулась и, решив, что принцы и "плохие мальчики" (и кто там еще должен появиться?) могут и подождать, приняла решение заночевать здесь. С чего бы мне, собственно, ждать их тут, наряженной в этот нелепый наряд? Пусть сами меня ищут.

Я огляделась, выбрала местечко помягче, раскидав в стороны подушки и соорудив себе гнездо на матрасе, и улеглась, закутавшись поплотнее в спасительное шерстяное покрывало. Кот мгновенно прыгнул ко мне, свернулся клубочком рядом и замурлыкал свою успокаивающую кошачью песню. "Ну вот, теперь я еще и кошачья подстилка. Зато тепло," – подумала я, устраиваясь поудобнее.

– Спокойной ночи, Пушок, – прошептала я и уснула, обнимая это огромное, теплое, пушистое существо. Заснула крепко и безмятежно, возможно, впервые за последние сутки.

В конце концов, даже в самой волшебной сказке иногда нужно просто хорошо выспаться. А с таким компаньоном, как этот персидский кот, никакие принцы и злодеи не страшны. Ну, или, по крайней мере, не так страшно. И кто знает, может, во сне я увижу способ вернуться домой или хотя бы научусь говорить на кошачьем. Жизнь полна сюрпризов, особенно когда тебя перемещают в другой мир.

Глава 3.

Я проснулась от ощущения мягких прикосновений. Первая мысль: проклятый кот. Надо же было этому жирному персу решить, что мои ребра – идеальное место для утренней разминки? Но кошачьи лапы почему-то оказались слишком крупными, слишком... человеческими, слишком... мужскими. И, что еще хуже, они пробирались под одеяло.

Полусонная, я слегка приоткрыла глаза, стараясь не делать резких движений. Вдруг этот шерстяной засранец решит выпустить когти? Хотя, судя по размерам лап, это скорее были бы когти медведя гризли... Темнота шатра почти растворилась благодаря первым тонким лучам рассвета, проникавшим сквозь щели в пологе. И то, что я увидела, заставило меня окончательно проснуться и замереть от ужаса. Не от вида милого котика, конечно. А от перспективы оказаться голой в компании незнакомца.

Не Пушок. Это точно.

Над моей головой склонился мужчина. Один из тех, кого я... ждала прошлой ночью? Нет, не ждала, конечно. То есть теоретически, по законам жанра, ожидала, но чтобы вот так, в лоб, с утра пораньше... Лицо в полумраке было плохо различимо, но сильные руки, скользившие под шерстяным одеялом по моему телу, ощущались вполне реально. Они еще и знали как себя вести, словно бы давно уже изучили все изгибы моего тела. Он гладил меня по груди, животу, бедрам. Сначала нежно, почти ласково, как будто оценивал товар на рынке, но с каждой секундой его прикосновения становились смелее и настойчивее. Похоже, покупатель решил, что товар качественный и пора переходить к делу?

Секунду я просто тупо смотрела на него, не в силах даже заорать. Мозг отказывался обрабатывать информацию. Он, видимо, решил, что я даю полное согласие на все его действия своим молчанием. Может, это сон? Один из тех самых снов, которые преследовали меня последнее время? Снов, где я в чем мать родила оказываюсь в постели сразу с двумя незнакомыми, дико привлекательными мужчинами. Снов, которые одновременно пугали (а что, если они маньяки?) и возбуждали (ну, красивые же!). Снов, которые я тщательно пыталась забыть сразу после пробуждения, делая вид, что я приличная и скромная девочка.

Но это не сон. Ощущение чужих рук на моей коже было слишком реальным, слишком осязаемым. Я даже ощущала легкое покалывание, как будто у меня началась аллергия на наглость. Запах – странная смесь восточных благовоний и мускуса – слишком отчетливым. И испуг, парализующий меня изнутри, был совсем не сонным. Скорее, это была паническая атака в прямом эфире.

Мужчина наклонился ближе, и я смогла рассмотреть его лицо. Высокие скулы, тонкий прямой нос, темные как смоль волосы, спадающие на лоб (так и просится, чтобы их откинули назад). Принц? Или плохой мальчик? Наверное, плохиш. У принцев все-таки должны быть манеры. Я не знала, кто из них, но знала точно – это не тот сон, о котором я мечтала. Даже если когда-то и мечтала. Тогда парни были хотя бы немного более... вежливыми? И их было двое! Где моя командная работа, спрашивается?

Он улыбнулся, обнажив ряд ровных белых зубов. Улыбка была... хищной. Она обещала плохие вещи. Гораздо хуже, чем утренний кофе без кофеина.

— Доброе утро, милая, — прошептал он, и его голос – низкий, бархатистый – прошелся мурашками по моей коже. Бррр, аж челюсть свело. — Надеюсь, тебе хорошо спалось.

Я пыталась что-то сказать, но горло предательски перехватило. В смысле, я, конечно, могла бы выдать что-нибудь вроде "А ну руки убрал, извращенец!", но вместо этого смогла выдавить из себя только какой-то невнятный хрип. Звук умирающего хомячка. Не самая впечатляющая реакция на похищение, согласна.

Он усмехнулся. Похоже, звук ему понравился.

— Что, котик язык проглотил? — спросил он, продолжая бесцеремонно ласкать меня. Да он издевается! — Ничего, скоро ты привыкнешь.

Привыкну? Пф, раз мечтался! К чему я должна привыкнуть? К тому, что меня лапает незнакомый мужик в чужом шатре? К тому, что меня похитили в какой-то параллельный мир, будто я старая сумка из секонд-хенда? К тому, что я, кажется, попала в какой-то средневековый гарем, где вместо комплиментов сразу лезут под одеяло? Я лучше в монастырь уйду, серьезно.

Резко собравшись с силами, я оттолкнула его. Подняла, так сказать, бунт на корабле. Он, похоже, не ожидал, что я окажусь такой строптивой, и на мгновение отшатнулся, давая мне драгоценную возможность освободиться из-под одеяла. Это был мой шанс, моя свобода. Ну, хотя бы на ближайшие пять секунд.

Вскочив на ноги, я отпрянула от него как от прокаженного и закуталась в шерстяное покрывало, словно это был мой единственный шанс на спасение. Сердце бешено колотилось в груди, кажется, собираясь убежать от меня, ладони вспотели от нервов. Еще чуть-чуть – и у меня бы началась истерика с заламыванием рук. Надо было взять себя в руки.

— Кто ты такой? Что тебе от меня нужно? Вы обещали мне объяснить все, — выпалила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо, хотя внутри все тряслось, как студень.

Мужчина медленно поднялся с кушетки, не сводя с меня взгляда. В его глазах плескался не то интерес, не то злость. А может, сожаление, что не довел дело до конца? Он выглядел... заинтригованным. Словно я – дикий зверь, которого он только что поймал. И теперь решал, съесть меня сразу или оставить на десерт.

— Увидишь, — ответил он, и в его голосе сквозило неприкрытое обещание. — Всему свое время, милая.

И прежде чем я успела придумать какой-нибудь остроумный ответ или хотя бы плюнуть ему в лицо, он исчез за пологом шатра, оставив меня одну, дрожащую от страха и непонятно чего еще.

Чтобы не думать о странном мужчине, я решила успокоиться с помощью котика, что вчера так меня расслабил, но его нигде не было. Сердце бешено заколотилось в груди, отдаваясь набатом в ушах. "Пушок, ну где же ты, шерстяной предатель?" – мысленно звала я кота, надеясь, что он просто спрятался испугавшись незваного гостя. "Что же ты не испарал этого наглого плохиша, как следует", – продолжила я мысленно разговаривать с пушистиком.

Но в шатре не было ни единого намека на кошачье присутствие. Только роскошь, от которой веяло холодом: расшитые золотыми нитями шелковые подушки, резные сундуки из темного дерева, украшенные причудливыми драгоценными камнями, и керамические вазы, скорее напоминавшие экспонаты из этнографического музея, чем предметы интерьера. Запах в шатре был терпкий и дурманящий, смесь восточных благовоний и какой-то незнакомой пряности, щекочущей ноздри. И ни единого кота. Вот же вредина! Неужели он забыл, кто его кормил вчера и гладит по пузику?

Не успела я толком обдумать свое положение и составить план побега, как полог шатра отодвинулся, и внутрь ступили две девушки. Скорее даже юные девочки, но с выражением покорности и отрешенности на лицах. Они двигались бесшумно словно тени. Одеты в длинные, закрытые платья землистого цвета. С лицами, скрытыми плотными платками, оставляющими открытыми лишь печальные глаза. Вся их поза, каждый жест говорили о безоговорочном подчинении. Они несли большой резной поднос из темного дерева, на котором виднелась аппетитная еда, и стопку одежды, бережно уложенную на белую ткань. Никаких взглядов, никаких слов, никаких жестов приветствия. Просто вышколенные куклы. Поставили поднос на низкий столик, отделанный перламутром, и молча разложили на кушетке одежду, избегая смотреть в мою сторону. Словно я заразная. Или, наоборот, слишком драгоценная, чтобы на меня можно было смотреть без разрешения.

Одежда, к слову, совершенно не соответствовала моим утренним представлениям о нарядах пленницы. Сегодня мне предлагалось платье из плотной, непрозрачной ткани, полностью скрывающее руки до запястий и шею до ключиц. Никаких тебе декольте, соблазнительных разрезов до бедра, никаких намеков на фигуру. Подчеркнутая скромность и невинность. Наряд послушницы или даже монашки, а никак не похищенной девицы, которую только что бесцеремонно лапал наглый тип.

Желудок тем временем решил, что достаточно уже переживаний и пора бы подкрепиться. Он заявил о себе громким урчанием, которое эхом прокатилось по шатру. Страх страхом, а есть хочется всегда.

На подносе обнаружили круглые лепешки, щедро политые золотистым медом, горка каких-то экзотических фруктов, которых я раньше никогда не видела (один из них напоминал помесь манго с авокадо и ананасом), и кувшин из матового стекла, наполненный ароматным напитком, отдаленно напоминающим травяной чай. Завтрак оказался на удивление вкусным и питательным. Я ела жадно, стараясь не думать о том, что меня ждет дальше, и заглушить растущее беспокойство. Каждая минута спокойствия была на вес золота, ведь кто знает, что принесет этот день.

"Главное, не терять бдительность", – повторяла я про себя, откусывая сочную мякоть диковинной дыни, сок которой стекал по подбородку.

Пока я уплетала последний кусочек фрукта и обдумывала план действий, полог шатра снова отодвинулся, и внутрь вошел Бэдбой. Его присутствие мгновенно заполнило собой все пространство, вытеснив остатки утренней прохлады и безмятежности. Он был одет во все черное и, кажется, кожаное. Никаких лишних деталей, никаких украшений. Только темная кожа и сталь уверенного взгляда. Выглядел он... чертовски опасно и невероятно, до неприличия привлекательно. Этакая гремучая смесь порока и силы, от которой у меня непроизвольно перехватило дыхание. Плохиш он и в Африке плохиш. И что-то мне подсказывало, что этот плохиш играет по своим правилам.

— Пора, — коротко бросил он, окидывая меня быстрым взглядом, который, казалось, сканировал каждую клеточку моего тела. Он проигнорировал остатки моего завтрака и мое явно растерянное лицо. Его тон не терпел возражений.

— Куда пора? — попыталась я выяснить, надеясь хоть что-то вытянуть из этого молчуна. — И кто ты вообще такой? Как тебя зовут? И что это за место, в конце концов?!

Он лишь усмехнулся, обнажая ряд ровных белых зубов, отчего улыбка выглядела еще более зловещей. Обошел низкий столик, словно хищник, обходящий свою добычу, и протянул мне руку. Большую сильную руку с длинными пальцами, от одного прикосновения которой по коже побежали мурашки.

— Время для вопросов будет потом, милая. Сейчас нам нужно уехать. Дорога не ждет.

Я внутренне нахмурилась, чувствуя, как во мне нарастает раздражение. Он обращался со мной, как с куклой, не считая нужным ничего объяснять. Но, вздохнув, я все же приняла его руку. Сопrotивляться было бесполезно. Бэдбой был непреклонен, словно скала. К тому же мне было стыдно себе признаваться, но часть меня, какая-то темная, извращенная сторона моей натуры испытывала какое-то странное, почти болезненное влечение к этому опасному типу. Как мотылек на пламя, честное слово. И я боялась, что это влечение может обернуться для меня большой бедой.

За пологом шатра нас ждала крытая карета, запряженная парой вороных коней. Гладкие, словно отлитые из стали, они нетерпеливо переступали копытами, из ноздрей вырывался пар. Карета выглядела богато, но в то же время мрачно и зловеще, словно ее создали специально для транспортировки пленников или перевозки гробов. Резные дверцы из темного дерева, обитые черным бархатом сиденья, тяжелые шторы, скрывающие окна от посторонних глаз... Все в ней говорило о власти и тайне. Он помог мне забраться внутрь, не сказав ни слова, а сам удобно

расположился напротив, сложив руки на груди. Никаких объяснений, никаких любезностей, никакого намека на сочувствие. Только напряженная тишина, давящая на барабанные перепонки.

Что ж, раз разговаривать он не намерен, придется наслаждаться видами. И виды, надо сказать, были поистине ошеломляющими.

Карета выехала на дорогу и я наконец-то смогла хоть немного расслабиться и осмотреться. Мир за окном сиял всеми цветами радуги, поражая воображение своей красотой и необычностью. Он совершенно не был похож на тот серый, привычный, суетный мир, в котором я жила до этого. Высокие, стройные деревья с серебристой, слегка мерцающей листвой простирались своими кронами до самого горизонта, образуя густой, тенистый лес. Ярко-зеленые луга, усыпанные бесчисленным количеством диковинных цветов самых невероятных оттенков, сменялись пологими холмами, поросшими кустарником с фиолетовыми листьями. Вдалеке виднелись горы с заснеженными вершинами, которые, казалось, касались самого неба. А над головой простирался купол, сотканный из невероятных оттенков синего, фиолетового и розового. Легкий ветерок доносил ароматы незнакомых растений и трав, создавая ощущение полной нереальности происходящего.

Я никогда не видела ничего подобного. Будто перенеслась в сказочную страну, сошедшую со страниц любимых детских книг. Страну, полную чудес и загадок, но в то же время сказочно опасную. Впрочем, красота этого мира только подчеркивала мое жалкое положение. Я пленница в роскошной, но все же клетке, которую везут в неизвестном направлении в компании молчаливого, опасного незнакомца.

Дорога и правда казалась бесконечной пыткой. Солнце безжалостно палило, пыль оседала на всем, даже на мыслях, а молчание Бэдбоя (я окрестила его так в тайне от него, и это имя прилипло намертво) давило тяжелее любого груза. После третьего часа пейзаж наскучил, и я была уже не так им восхищена. Теперь это были пыльные ленты дорог, извилистые каменные тропы, бесконечные зеленые поля, сменявшие жутковатые темные леса – все сливалось в однообразную картину, от которой хотелось выть. Он, как каменный истукан, восседал напротив, непроницаемый, словно древний бог. Изредка, словно случайно, бросал на меня короткие, обжигающие взгляды, от которых по коже ползли мурашки и сердце начинало бешено колотиться. Я старалась держаться, строила из себя неприступную крепость, но внутри меня клокотал страх. Куда он меня везет? Кто он такой на самом деле? И куда делся блондинчик? И чего он от меня хочет? Или они оба? Эти вопросы, словно назойливые мухи, крутились в голове, не давая покоя.

Но все мучения отступили, когда на горизонте заиграли последние лучи заходящего солнца. Рельеф местности стал меняться, горы встали стеной, неприступные и величественные, словно охраняющие нечто сокровенное, нечто невыразимо важное. И вот, когда багряные краски расплавились на небе, перед нами открылась картина, от которой просто перехватило дыхание.

Из-за гор, словно вынырнув из сказки, появился город. Белокаменная. Созданный, казалось, из самой мечты. Весь сложенный из белого, идеально гладкого камня, он сверкал и переливался в лучах заходящего солнца, ослепляя своим великолепием. Башни, взмывающие в небо, словно пики заснеженных гор; шпили, пронзающие облака; купола, напоминающие огромные жемчужины, — все было белым, ослепительно чистым, совершенным до последней детали. Город возвышался над зеленой долиной, словно корона из снега и света.

Я застыла словно вкопанная, выглянув из окна кареты. В горле пересохло, сердце колотилось.

“Неужели такое место действительно существует? Это рай? Мне это снится?” – эта мысль пронзила меня как удар молнии. И кажется я произнесла это все вслух, потому что мужчина во всем черном смерил меня ироничным взглядом и даже усмехнулся.

После пыльных дорог, мрачных лесов, удушающего молчания Бэдбоя и постоянного страха Белокаменная казалась нереальной, миражом, прекрасной, но недостижимой сказкой.

Карета медленно приближалась к городу, и я наконец смогла рассмотреть поразительные детали архитектуры. Здания были украшены тончайшей, невероятно изящной резьбой, изображающей цветы неизвестных видов, птиц, словно сошедших со страниц волшебных книг, и мифических существ. Арки и колонны стремились ввысь, в самое небо, словно пытаясь дотянуться до звезд. На каждом углу, словно драгоценные камни, сверкали фонтаны, из которых били струи кристально чистой воды, рассыпаясь мириадами радужных брызг. Вокруг зданий раскинулись пышные сады, наполненные экзотическими растениями и диковинными цветами, источающими пьянящие ароматы, не сравнимые ни с чем, что я когда-либо чувствовала. Казалось, что даже воздух здесь был пропитан волшебством.

Мы проехали через величественные ворота, охраняемые молчаливыми стражами в сияющих белых доспехах. На воротах был выгравирован герб королевства Света – сияющее золотое солнце, возвышающееся над раскрытой книгой, символом мудрости и просвещения. Улицы города были безупречно чистыми и светлыми, вымощенными плитами из белого камня, от которых исходило мягкое, рассеянное свечение, окутывающее все вокруг нежным ореолом. Люди, которых я видела, двигались плавно и грациозно, одетые в потоки светлых, изящных одежд, казалось, сотканных из солнечного света. Они улыбались друг другу, приветствовали дружелюбными жестами, и в их глазах читались мир, искренность, спокойствие и... что-то еще, неуловимое, но ощутимое – словно они знали какую-то тайну, доступную лишь избранным.

Карета остановилась перед монументальным зданием, затмевающим своей величием все остальные постройки. Оно было одновременно похоже на величественный храм, роскошный дворец и неприступную крепость, словно воплощение высшей власти и духовности. Вокруг простирались ухоженные, бархатные лужайки, украшенные скульптурами и фонтанами, чьи струи воды, играя на солнце, рассыпались алмазными искрами. Бэдбой вышел из кареты бесшумно, словно тень, и, не говоря ни слова, лишь протянув руку. Я замерла, не решаясь. Должна ли я принять его помощь? Доверять ему? Или это очередная ловушка? Но что мне, в конце концов, остается? И я, глубоко вздохнув, все же вложила свою руку в его. Его прикосновение было неожиданно приятным, твердым и... обжигающим. Будто касание к раскаленному угляю.

Когда мои ноги коснулись белого камня, холодного и гладкого как лед, я почувствовала, как меня пронизывает волна непонятной энергии.

Когда я ступила на белый камень, перед глазами словно спала пелена. Белокаменная меня околдовала, и теперь в душе затеплилось предчувствие чего-то необычного. Надежда росла с каждой секундой, заглушая страх и неуверенность. Мне хотелось бежать вперед, исследовать каждый уголок этого волшебного города, прикоснуться к каждой статуе, вдохнуть аромат каждого цветка. Все вокруг было настолько прекрасным и гармоничным, что не верилось, что я действительно нахожусь здесь.

Дворец поражал своим величием. Высокие потолки, расписанные невероятными картинами, колонны из белого мрамора, украшенные золотой резьбой, огромные зеркала, отражавшие бесконечные залы, и всюду – свет, мягкий, теплый, ласкающий кожу. Я шла по коридорам, словно во сне, восхищенно разглядывая каждую деталь. Мое сердце пело, наполняясь восторгом.

Но едва я успела насладиться моментом, как на пороге, словно из ниоткуда, появился... он. Тот самый наглый мужчина, который приставал ко мне утром. Его взгляд был уже не таким самоуверенным, скорее... ожидающим. Он поклонился с нарочитой любезностью и произнес.

– Добро пожаловать, Милана. Я Каэл. Все готово.

– Готово? Что готово? – его слова насторожили меня.

Каэл, заметив мое замешательство, слегка улыбнулся и жестом пригласил следовать за ним. Не дожидаясь ответа, он развернулся и направился вглубь дворца. Я растерянно посмотрела на Бэдбоя, который все это время молча стоял позади меня. На его лице, как всегда, не отражалось никаких эмоций. Лишь в глубине его темных, пронзительных глаз мелькнуло что-то похожее на... сожаление? Или это просто игра света?

Когда Каэл уверенно шел коридорами дворца, я чувствовала себя потерянной. Кто эти люди? Что им нужно? И почему я ощущала на себе их пристальные взгляды? И куда они меня ведут? Я оглядывалась, пытаюсь хоть что-то понять, но лица людей, снующих по дворцу, оставались непроницаемыми. Они словно были актерами в чужом представлении, отыгрывающими свои роли в театре.

Мы шли через длинные залы, мимо картин и скульптур, мимо зеркал, в которых отражалось мое растерянное лицо. И, наконец, мы остановились перед огромными коваными дверьми, украшенными изображениями солнца. Каэл торжественно распахнул их, и перед нами предстал... Храм.

Это был величественный зал, наполненный золотым светом. Высокие колонны уходили ввысь, поддерживая купол, через который проникали лучи солнца. В центре зала возвышался алтарь с золотыми рельефами. Запах благовоний и чего-то еще, едва уловимого, витал в воздухе, создавая атмосферу таинственности и трепета.

— Храм Солнца, — произнес Каэл, а у меня отчего-то по спине поползли мурашки. Не в жертву же они меня принести решили?

Мне стало страшно. Очень страшно.

Каэл обернулся ко мне и снова улыбнулся. В его улыбке теперь читались не только предупреждение, но и что-то зловещее.

— Мы ждали тебя, Милана.

Бэдбой, всё также молчаливый, стоял рядом. Он не шевелился и не вмешивался, просто наблюдал. Мне казалось, что от него исходит некая темная необъяснимая сила.

Что должно произойти дальше? Зачем я здесь? И почему этот город одновременно кажется мне раем и самой ужасной тюрьмой на свете?

Страх парализовал меня, словно ледяная хватка смерти. Холодный, липкий, он сковал каждый мускул, превратив в безвольную марионетку. Я не могла пошевелиться, не могла вымолвить ни слова. В горле образовался сухой, болезненный комок. В голове пульсировала, словно оголенный нерв, единственная мысль: "Жертва... я жертва!" Я сразу же вспомнила все легенды из своего мира о жертвоприношении. И теперь, стоя в этом величественном храме, купающемся в зловещем, пропитанном веками золотом свете, я почувствовала, как кошмар становится реальностью.

Я зажмурила глаза, отчаянно пытаюсь унять предательскую дрожь, пробирающую до костей, но это не помогало. Наоборот, в темноте воображение рисовало еще более ужасные картины. Внутри меня все кричало, разрывалось от первобытного ужаса. Неужели это конец? Я даже не успела пожить... по-настоящему.

Но вдруг, словно сквозь толщу воды, до меня донесся голос Каэла. Он звучал непривычно спокойно, даже мягко, совсем не так надменно и грубо, как утром в шатре. В нем не было ни тени цинизма, лишь ровное, умиротворяющее тепло.

— Не бойся, Милана, — произнес он, и в его голосе проскользнули едва заметные успокаивающие, словно убаюкивающие, ноты. — Мы не причиним тебе вреда. Даже не думай об этом.

Я медленно приоткрыла глаза, как будто боясь спугнуть наваждение. Кажется, сейчас он был воплощением невозмутимости и уверенности. Его высокая стройная фигура излучала уверенность. Его взгляд был тверд и прям, но в нем не было той зловещей, холодной ухмылки, от

которой по коже бежали мурашки. Кажется, я сама себе придумала все от страха. Передо мной словно бы стоял совершенно другой человек, облаченный в маску учтивости и благородства.

— Ты, наверное, думаешь, что мы хотим принести тебя в жертву, — усмехнулся Каэл, словно прочитав мои мысли, словно он не впервые сталкивался с подобной реакцией. — Поверь, Милана, последнее, чего мы хотим, это причинить тебе боль. Ты слишком ценна для нас, чтобы так бездарно лишиться такого сокровища.

Я недоверчиво нахмурилась, пытаюсь уловить хоть каплю правды в его словах.

— Тогда... что все это значит? — с трудом выговорила я, чувствуя, как голос предательски дрожит. — Зачем я вам? Почему я здесь?

Каэл вздохнул, словно ему приходилось повторять это снова и снова, и сделал шаг в мою сторону. Он был высоким, статным, широкоплечим, и в его движениях, в его осанке чувствовалась врожденная, неоспоримая властность. Сейчас же, когда он стоял так близко, я смогла разглядеть мельчайшие детали его лица, о которых прежде не имела представления: тонкий, прямой нос с едва заметной горбинкой, волевой, упрямый подбородок, обрамленный легкой тенью небритости, и глубокие, пронзительные глаза цвета темного янтаря, в которых, несмотря на внешнее спокойствие, все еще плясали дразнящие искорки чего-то дикого, опасного и первобытного.

— Меня зовут Каэл, — представился он снова, словно я могла забыть его имя, словно он должен был подчеркнуть свою значимость. — Я — наследник клана Солнца, и моя судьба, как и судьба всего моего клана, тесно связана с тобой, Милана. Ты — наш единственный шанс на спасение.

Его голос был бархатным, обволакивающим, словно дорогое вино, но сквозь мягкость тембра отчетливо проступала сталь, уверенность в каждом слове. Он говорил медленно, четко, словно каждое слово было тщательно взвешено, продумано и произнесено не случайно. В его манере говорить чувствовалась не только уверенность, но и некое... смирение, почти усталость? Словно он осознавал тяжесть возложенной на меня ноши, груз ответственности, который он не мог разделить со мной.

— Клан Солнца? — прошептала я.

— Клан, правящий этим государством на протяжении веков, клан, чья власть и сила были основаны на древних знаниях, мистических ритуалах и нерушимой связи с богами, — произнес мужчина, а я почувствовала, что второй мужчина саркастически усмехнулся. Ему, видимо, было что сказать, но он намеренно помалкивал.

Услышав его слова, ощутив его кажущееся искренним спокойствие, мне действительно стало немного легче.

— Но... как я могу быть связана с вами? — спросила я. — Я обычная девушка.

Каэл кивнул, словно ожидал этого вопроса, словно знал, что я спрошу именно об этом. Он повернулся всем телом лицом к алтарю, величественному и холодному, и, не отрывая от него взгляда, медленно произнес:

— Все дело в древних свитках, Милана. В пророчестве, которое веками хранилось в нашей семье, передаваясь от отца к сыну. Оно было написано много веков назад, и до сегодняшнего дня мы считали его лишь красивой сказкой, легендой, но... Ты изменила все.

Пророчество. Это слово прозвучало, как раскат грома в тихий летний день. Я всегда считала пророчества всего лишь сказками, красивыми, но бессмысленными легендами, придуманными для того, чтобы утешить людей в трудные времена, дать им ложную надежду на светлое будущее. Естественно, мы изучали это в институте, но я никогда не считала что “пророчество” — это что-то серьезное. Тем более я в другом мире, и те, что я знала, пророчества были явно не про меня.

— В свитке предсказано пришествие Долгожданной, — продолжил Каэл, не отрывая взгляда от алтаря, словно пытаюсь там найти ответы на свои вопросы. — Девушки, в чьих

жилах течет кровь, наделенная невероятной, невообразимой силой. Силой, способной исцелить землю, спасти наш клан от неминуемой гибели, развеять тьму, поглощающую мир. Силой, способной изменить саму реальность.

Он медленно повернулся ко мне, и в его глазах я увидела не отблеск надежды, как мне показалось вначале, а скорее отчаянную мольбу, устремленную в самое сердце.

— И свиток говорит, что этой девушкой являешься именно ты, Милана.

Я замерла, словно в меня ударила молния. Слова Каэла эхом отдавались в моей голове, перебивая друг друга, искажая смысл. Долгожданная... избранная... спасительница... Я? Невозможно. Это какая-то чудовищная ошибка, злая шутка.

— Нет... это какое-то недоразумение, — прошептала я, чувствуя, как дрожат губы. — Я не могу... Я не знаю, о чем вы говорите. Я не верю вам.

Меня охватило смятение. Я чувствовала себя маленькой, слабой, потерянной. — Я... я не хочу, — прошептала я, чувствуя, как к глазам подступают предательские слезы отчаяния. — Я не могу. Я не знаю, как это сделать.

В этот самый момент Бэдбой, словно почувствовав мое потрясение, сделал шаг вперед. Он смотрел на меня своим словно высеченным из камня лицом, своим пронзительным, обжигающим взглядом, и в этот раз, как мне показалось, в глубине его темных глаз я увидела проблеск... сочувствия? Или это просто моя разыгравшаяся фантазия, мой отчаянный поиск хоть какой-то поддержки в этом непонятном мире?

— У тебя нет выбора, Милана, — произнес он тихим, но твердым, непоколебимым голосом, от которого по коже пробежали мурашки. — Судьба уже выбрала тебя. И ты не можешь от нее отказаться.

Каэл на секунду замолчал, а потом продолжил:

— Твоя миссия, Милана, заключается в том, чтобы принести мир между кланом Солнца и кланом Тени.

Он сделал паузу, словно собираясь с духом.

— Вражда между нашими кланами длится уже не одно столетие. Она началась из-за... недоразумения. Из-за борьбы за власть и влияние. Со временем она переросла в настоящую войну, которая грозит поглотить весь мир. Каждый клан считает себя правым, каждый уверен в своей правоте. Но правда, как всегда, лежит где-то посередине. Наши кланы, Солнца и Тени, слишком разные, чтоб жить в гармонии.

Я потрясла головой.

— Спасти мир? Это слишком! Я обычная студентка, не героиня из фэнтези-романа. Я не знаю, как это сделать.

Каэл шагнул ко мне ближе. В его взгляде появилась теплота, почти нежность.

— Я знаю, что тебе страшно, Милана. Но ты не одна. Мы будем рядом, мы поможем тебе. Ты будешь под нашей защитой.

Он протянул ко мне руку.

— Останься с нами, Милана. Узнай больше о клане Солнца, о пророчестве, о своей роли в этом мире. Дай нам шанс доказать тебе, что ты можешь доверять нам. И дать нам возможность обрести свет.

Я посмотрела на его руку, потом в его глаза. В них я увидела искренность и... надежду. Слабую, робкую, но надежду.

Может быть, он говорит правду? Может быть, мне действительно дают шанс? Шанс не только спасти мир, но и спасти себя. Или это еще одна ловушка? Я не знала, кому верить.

Теперь храм Солнца давил своими золотыми стенами, превратившись в подобие роскошной гробницы. Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно. Даже еще сильнее, чем когда думала, что меня хотя принести в жертву.

– Миссия? Спасти мир? – выдавила я хриплым шепотом, чувствуя, как язык словно прилип к небу. Мой взгляд метался от луча солнца, пробивающегося сквозь купол, к вычурному алтарю, украшенному рельефами, словно моля о подсказке, о малейшем намеке на выход из этого безумия. – Да я... я же совершенно обычная. Какие кланы? Какая вражда? У меня сессия через месяц, а не междоусобные войны. Я ничего об этом не знаю. Верните меня, пожалуйста, домой.

Каэл вздохнул, и в его янтарных глазах промелькнула тень невеселого понимания. Казалось, он предвидел мою реакцию, осознавал всю абсурдность ситуации.

– Вражда... это гораздо больше, чем просто соперничество, Милана. Это глубоко укоренившаяся ненависть, пропитанная кровью и предательством. Клан Солнца и Клан Тени... мы как две стороны одной медали, связанные неразрывными узами, но обреченные на вечное противостояние. Веками мы боролись за власть, за ресурсы, за право диктовать свою волю. И эта война, словно неуправляемый пожар, – он обвел рукой помпезный зал, – грозит поглотить не только наши кланы, но и весь этот мир, оставив после себя лишь пепел и руины.

Он приблизился ко мне, его движения стали мягче, осторожнее. Он взял мои руки в свои, и я почувствовала тепло, исходящее от его кожи.

– Я знаю, это невероятно, Милана. Слишком много информации, чтобы переварить ее за один раз, – он слабо улыбнулся, пытаясь смягчить обстановку. – Но я обещаю, мы будем рядом. Мы защитим тебя от любой опасности. Просто останься. Дай нам шанс рассказать тебе нашу историю, объяснить причины этой вражды, помочь тебе понять свою роль во всем этом. Дай нам шанс доказать, что мы не монстры, не темные силы, а люди, отчаянно нуждающиеся в помощи.

В его словах звучала искренняя мольба, а не самоуверенное заявление сильного мира сего. И вопреки здравому смыслу, вопреки дикому страху, который продолжал терзать меня изнутри, в моем сердце робко проклюнулся слабый росток надежды. Может быть, они не врут? Может быть, они действительно верят в пророчество и искренне нуждаются в моей помощи?

И когда я уже почти решилась ответить, что попробую и сделаю все, что от меня зависит, в Храм Солнца ворвался... хаос, жестокий и безжалостный.

Словно по чьей-то злой воле, золотой свет, наполнявший храм, померк, будто само солнце отвернулось от этого места, предчувствуя грядущую беду. Из углов, из теней, прятавшихся за колоннами и скульптурами, вырвались фигуры, облаченные во все черное, словно воплощения ночного кошмара. Они двигались с неестественной скоростью, бесшумно и грациозно, словно сами тени обрели плоть и стали оружием. В воздухе повисла зловещая тишина, которую тут же разорвали крики, вспышки разноцветной магии, лязг стали и глухие удары.

Это было хорошо спланированное нападение. Нападение, которое, судя по лицам окружающих, застало врасплох даже наследника клана Солнца.

Каэл, отреагировав молниеносно, оттолкнул меня в сторону, выхватывая из ножен длинный тонкий меч. Бэдбой, до этого казавшийся безучастным наблюдателем, мгновенно преобразился, словно сбросил личину. Его глаза загорелись темным, неистовым огнем, и он двигался с грацией и смертоносностью хищника, легко и непринужденно уклоняясь от летящих в него энергетических разрядов и отбивая удары клинков.

Я стояла, парализованная ужасом, наблюдая за разворачивающейся вокруг меня кровавой драмой. Страх достиг своего апогея, превратившись в животный первобытный ужас, заставляющий сердце колотиться в бешеном ритме, а в голове рождая лишь бессвязные обрывки мыслей.

– Кстати, меня зовут Равен, – вдруг решил представиться Бэдбой, загораживая меня от энергетического шара.

– Не нашел более благоприятного времени для знакомства? – видимо, от стресса и страха мой уровень сарказма был выше благоразумия.

– Просто решил представиться, перед тем как заберу тебя себе, – усмехнулся мужчина и протянул руку ко мне, схватив за руку и притянув к себе. Он очертил рукой в воздухе окружность, которая подернулась черной дымкой, и шагнул в нее, увлекая следом.

Вспышка ослепительной тьмы, пронизывающего до костей холода, ощущение падения в бездну, и я почувствовала, как мир вокруг меня переворачивается с ног на голову. А потом... все стихло. Полная звенящая тишина.

Я открыла глаза и обнаружила себя... где-то. В каком-то темном, сыром и промозглом месте, где в воздухе витал устойчивый запах земли, плесени и чего-то гнилого.

"Опять все сначала! – отчаянно пронеслось у меня в голове, – Только я начала верить...".

Глава 4.

Мерзкий запах сырой земли и плесени словно нашатырь вернул меня в реальность. Не раздумывая ни секунды, подчиняясь лишь животной вспышке ярости, я налетела на Равена. Мелкая дрожь била меня крупной дрожью, мышцы не слушались, но гнев, горячий и обжигающий словно лава, затмил собой страх. Я бросилась на Равена, как дикая кошка, оголодавшая и готовая перегрызть глотку обидчику.

– Ты... ты... проклятый предатель! – кричала я, размахивая кулаками и пытаюсь попасть в его надменное лицо. Бессильная злоба душила меня изнутри. Слезы брызнули из глаз, смешиваясь с каплями грязи на щеках и забиваясь в волосы. – Я поверила им! Поверила тебе, идиоту! А ты... ты... оказался таким же, как они.

Мои удары были смехотворно неточными, слабыми, больше похожими на отчаянные тычки разъяренного котенка. Равен легко уклонялся от них, даже не снисходя до защиты. Но я не останавливалась, продолжая яростно колотить его в грудь, пытаюсь выплеснуть накопившиеся злость, обиду, разочарование, все горькие чувства, заполонившие мою душу.

– Отпусти меня! – вопила я, захлебываясь слезами отчаяния. – Я хочу домой! Хочу обратно в свою жизнь! Я хочу, чтобы этот кошмар закончился.

Неожиданно, словно по мановению темной руки, он перехватил мои руки и крепко, до боли, прижал их к своему телу. Его объятия были сильными, обжигающими, словно кокон из стали, лишаящий меня возможности вырваться. Я забилась в его руках, пытаюсь оттолкнуть его, освободиться из этой хватки, но он лишь усилил давление, прижимая меня к себе еще теснее, как будто мои слабые удары доставляли ему удовольствие.

И внезапно... он поцеловал меня.

Его губы были горячими, влажными и требовательными. Поцелуй был грубым, напористым, даже жестоким, словно он пытался одним махом заставить меня замолчать, стереть из памяти все произошедшее, заставить забыть, кто я есть. Я отчаянно сопротивлялась, извивалась, пыталась увернуться, вырваться из его железных объятий, но он держал меня мертвой хваткой, не давая ни малейшего шанса.

Но в самый неожиданный момент что-то внутри меня... сломалось. Под напором его поцелуя, под воздействием его близости, под странным влиянием этой... тьмы, исходящей от него, я вдруг почувствовала, как во мне просыпается ответное, нездоровое влечение. Это было похоже на тягу к пропасти, на желание прыгнуть в омут с головой. Мои губы, еще секунду назад отчаянно сопротивлявшиеся, невольно ответили на его поцелуй, а руки, которые я пыталась использовать как оружие, неожиданно цеплялись за его одежду, притягивая его к себе все ближе и ближе.

Я не могла понять, что происходит. Почему мое тело, мой разум предали меня? Почему я так реагирую на этого человека, на эту... тьму? Почему только в его присутствии здравый смысл отступает на второй план, уступая место каким-то животным инстинктам, которые я даже не подозревала в себе? Что со мной не так?

С огромным усилием, собрав последние крохи воли в кулак, я резко оттолкнула его от себя. Грудь опалило огнем, как будто я пробежала марафон. Пытаясь отдышаться, я нервно вытерла рот тыльной стороной ладони, отчаянно пытаюсь стереть с губ остатки его поцелуя, словно это был омерзительный яд.

– Куда... куда, черт возьми, ты меня притащил? – прохрипела я, пытаюсь придать своему голосу как можно больше уверенности. Я не собиралась показывать ему свой страх, свою растерянность.

Равен проигнорировал мой вопрос. Вместо ответа он напрягся, словно прислушиваясь к далекому шуму. Его взгляд стал острым, настороженным, словно он превратился в хищника, выслеживающего добычу.

– Он идет, – пробормотал он, словно обращаясь к самому себе, а не ко мне. – Нужно уходить отсюда. Сейчас же.

И прежде чем я успела сказать хоть слово, задать хоть один вопрос, он снова схватил меня за руку и потащил за собой вглубь темного, жуткого помещения.

Меня дергало, словно тряпичную куклу, по туннелям, настолько тесным, что выступы скользких, остроугольных камней полосовали кожу на плечах. Равен несясь вперед, словно одержимый, его длинные, жилистые ноги, казалось, не касались земли, в то время как мои конечности заплетались, спотыкаясь о коварные корни и выпирающие камни. Его рука, обхватившая мою ладонь стальным захватом, не давала мне ни шанса затормозить, игнорируя мои болезненные вздохи и отчаянные попытки выровнять дыхание. В каждом его движении читалась жгучая необходимость бежать, оторваться от преследователей, превратившая его в живую пружину энергии.

– Куда мы вообще мчимся? Кто идет по нашим пятам? – выдохнула я между рваными глотками воздуха. Мои легкие горели адским пламенем, а сердце колотилось в груди с такой бешеной яростью, что, казалось, секунда – и оно вырвется на свободу, оставляя меня лежать бездыханной на грязном полу туннеля.

– Не время для вопросов, – прорывал Равен, не сбавляя своего безумного темпа. От его короткого ответа по спине пробежал холод. – Просто беги, Милана. Беги что есть сил.

Его тон, грубый и безапелляционный, не терпел возражений, но я больше не могла подчиняться слепо. Я не видела цели и не понимала смысла происходящего, не говоря уже о том, чтобы доверять этому загадочному и опасному человеку. Страх постепенно отступал, уступая место растущей злости, кипящей внутри, как лава под остывшей корой. Собравшись с духом, я уперлась ногами в мокрый, скользкий пол туннеля, и с отчаянным усилием вырвала свою ладонь из его цепкой хватки.

– С меня хватит! – выпалила я, задыхаясь от ярости и недостатка кислорода. – Я больше никуда не побегу вслепую. Ты хоть собираешься мне объяснить, какого черта происходит? Кто нас преследует? Почему я должна тебе верить? И что это вообще за дыра, в которую ты меня затащил?

Равен остановился как вкопанный, резко затормозив, словно налетел на невидимую стену. Его лицо, и без того угрюмое, исказилось от злости, превратившись в маску дикой, неуправляемой ярости. Он рывком схватил меня за плечи, впиваясь пальцами в кости, и встряхнул так сильно, что в глазах потемнело, а голова болезненно кружилась на плечах.

– Ты не понимаешь? – прошипел он сквозь стиснутые зубы. – Каэл идет за нами по пятам. Он не остановится ни перед чем, пока не вернет тебя обратно. И если он нас поймает... – Равен замолчал, и в глубине его темных, бездонных глаз мелькнул такой неподдельный, животный ужас, что я невольно вздрогнула, позабыв про боль и гнев. – Просто поверь мне на слово, Милана. У меня есть план, как спасти нас обоих, но для этого ты должна мне довериться.

«Довериться ему?» – эхом разнеслось в моей голове, наполненной сумбурными мыслями. Довериться ему после наглого поцелуя, после очевидного похищения меня у клана Солнца? Какой у меня вообще есть выбор? Только что добрый и заботливый Каэл стал угрозой, от которой нужно бежать, и мне оставалось только принять помощь от темного человека. Но я не обязана была доверять. В его словах, в его взгляде чувствовалась искренняя тревога, и какая-то часть меня, вопреки логике и здравому смыслу, понимала, что он говорит правду. Каэл, казавшийся таким добрым и заботливым, внезапно превратился в смертельную угрозу, в того, от кого нужно бежать без оглядки.

– Хорошо, – неохотно сдалась я, отводя взгляд. – Я поверю тебе. Но потом, слышишь, потом ты мне все расскажешь по полочкам. Ничего не утаивая.

Равен, словно не веря своему счастью, хмуро кивнул, и, не дожидаясь моего ответа, грубо схватил за руку и потащил дальше, вглубь лабиринта темных и зловонных туннелей. Мы бежали долго, петляя по тесным коридорам, пробираясь сквозь запутанные переплетения подземных ходов, пока, наконец, не достигли просторной пещеры. В центре ее чернела зловещая глубокая расщелина, словно зияющая рана на теле земли, а вокруг были хаотично разбросаны обломки скал, поросшие мерзким, слизистым мхом.

– Что это за пропасть? – прошептала я, чувствуя, как по спине пробегает ледяной озноб, сковывая мышцы и заставляя волосы встать дыбом.

– Старый портал, – коротко ответил Равен, не отрывая пристального взгляда от зловещей трещины. – Единственный способ вырваться из-под влияния Каэла и его клана.

Он двинулся к расщелине, ступая осторожно, словно по тонкому льду, и начал что-то бормотать на странном, непонятном мне языке, от которого по коже побежали мурашки. Вокруг него начали мерцать зловещие темные искры, воздух около расщелины загустел, наполнившись низким, зловещим гулом, от которого закладывало уши. Я не понимала ни слова, но кожей чувствовала, как мощный поток темной магии пронизывает все мое тело, вызывая тошноту и головокружение.

– Ты готова, Милана? – спросил Равен, не отрывая взгляда от разверзающейся бездны. В его голосе не было ни тени сомнения, только холодная решимость.

Я слотнула вязкую слюну и с трудом кивнула, стараясь не смотреть вниз. Ноги меня предали, дрожа, и я понимала, что, если бы Равен не стоял рядом и меня не поддерживал, я бы уже валялась на грязном полу, не в силах пошевелиться от страха.

– И что... что будет дальше? – пролепетала я, чувствуя, как остатки здравого смысла покидают меня.

– Дальше – прыгаем, – просто ответил он, не утруждая себя объяснениями.

Равен, не дожидаясь моего согласия, вдруг обнял меня за талию, прижимая к себе так крепко, что у меня перехватило дыхание, и, до того как я успела что-либо сообразить, мы шагнули в черную бездонную пропасть, растворяясь в зловещей тьме. В ушах засвистел ледяной ветер, желудок подскочил к горлу, а в животе разлился сковывающий страх. Я зажмурилась, инстинктивно вцепившись в одежду Равена, словно он был единственным якорем, удерживающим меня от падения в вечную бездну, и почувствовала, как нас затягивает в стремительный водоворот тьмы, неумолимо закручивая в своей пасти.

В следующее мгновение тьма схлынула, оставив меня ослепленной ярким светом. Земля исчезла из-под ног, сменившись холодной, твердой поверхностью. Когда зрение немного пришло в норму, я увидела, что мы стоим в огромном, полуразрушенном храме. Колонны, высотой с многоэтажный дом, тянулись к потолку, увитые густой, темной лианой. Стены были испещрены барельефами, изображающими сцены, которые я не могла понять, но которые вызвали тревожное ощущение дежавю. Воздух был пропитан сыростью и запахом древности, а еще чем-то неуловимо знакомым, словно я уже бывала здесь раньше, в какой-то другой жизни.

Равен отпустил меня, и я, пошатнувшись, ухватилась за одну из колонн, чтобы не упасть. Ноги все еще дрожали, а в голове шумело от пережитого.

– Где мы? – прохрипела я, осматриваясь.

– В храме Тени, – ответил Равен, оглядываясь по сторонам с каким-то странным, почти благоговейным выражением. – Здесь мы в безопасности.

Безопасность? После всего, что произошло, после этого безумного прыжка в неизвестность он говорит о безопасности? Собрав остатки самообладания, я выпрямилась и посмотрела на него в упор.

– Безопасности? Ты издеваешься? Я требую объяснений! Кто такой Каэл? Почему он нас преследует? И что вообще происходит?

Равен вздохнул, провел рукой по своим темным волосам и отвернулся. Он явно колебался, не зная, с чего начать.

– Все совсем не так, как тебе сказал Каэл, – наконец произнес он, глядя в сторону. – Клан Солнца не является воплощением добра и света, а клан Тени – средоточием зла. Все гораздо сложнее.

– Что ты имеешь в виду?

– Каэл... он заключил со мной временное перемирие.

Я удивленно вскинула брови. Перемирие? Между ними?

– О чем ты говоришь? Зачем ему перемирие с тобой?

– Чтобы призвать тебя, Милана. Тебя, долгожданную, девушку из пророчества.

Я почувствовала, как в груди поднимается холодный ком. Меня призвали? Зачем?

– Призвать меня? Зачем я вам нужна?

Равен повернулся ко мне, и в его взгляде я увидела что-то похожее на сожаление.

– Ты нужна нам, чтобы победить Клан Солнца. Каэл не планировал примирить тень и свет. Он хочет господствовать. И для этого ему нужна ты.

Мир вокруг меня словно перевернулся. Я почувствовала, как почва уходит из-под ног. Клан Солнца? Добрые и справедливые? Они должны были победить Клан Тени, чтобы воцарил мир и процветание.

– Не верю, – прошептала я, покачив головой. – Это ложь.

– Нет, Милана. Это правда. Клан Солнца погряз в коррупции и жажде власти. Они используют свою магию во зло, угнетая всех, кто им не подчиняется.

– Но Каэл... он казался таким... хорошим.

– Каэл – искусный манипулятор, – ответил Равен с горечью в голосе. – Он умеет очаровывать и внушать доверие. Но его истинные намерения далеки от благородных.

Я молчала, пытаюсь переварить услышанное. В голове царила полная неразбериха. Все, во что я верила, рушилось на глазах. Добро и зло поменялись местами, и я оказалась в самом эпицентре этой грязной игры.

– Я ничего не понимаю, – прошептала я, чувствуя себя потерянной и обманутой. – Я просто пешка в вашей игре?

– Нет, Милана. Ты гораздо больше чем пешка. Ты – ключ, – ответил Равен, пристально глядя на меня. – Ты – единственная, кто может положить конец этой войне.

Я запуталась окончательно. Я почему-то должна решить судьбу двух могущественных кланов. Кажется, меня втянули в эпицентр интриг, и мне надо понять, на чью сторону встать.

Равен молча наблюдал за моим смятением, словно ожидая, когда я соберу воедино разрозненные кусочки правды, обрушившиеся на меня. Затем, не говоря ни слова, он жестом предложил мне следовать за ним. Мы покинули храм Тени и направились, как я поняла, вглубь земель клана.

Дорога была долгой и утомительной. Мы шли по узким, извилистым тропам, пробираясь сквозь густые леса, словно пытающиеся спрятать от посторонних глаз то, что ждало нас впереди. По мере приближения к столице клана Тени, пейзажи становились все более мрачными и угрюмыми. Солнце словно избегало этих мест, и даже днем здесь царил полумрак.

Когда мы, наконец, достигли города, я была потрясена увиденным. Вместо величественной столицы, о которой я могла бы мечтать, передо мной предстало жалкое зрелище. Полуразрушенные здания, грязь и нищета, царившие повсюду, отпечатались в моей памяти навсегда. Изможденные лица жителей, их потухшие взгляды говорили сами за себя. Голод и отчаяние были повсюду.

Равен молча провел меня по узким, грязным улицам, позволяя увидеть все собственными глазами. Он не проронил ни слова, но я чувствовала, как в нем клокочут гнев и обида.

Наконец, остановившись перед одним из самых убогих строений, он заговорил:

– Посмотри вокруг, Милана. Это – результат правления клана Солнца. Они высасывают из нас все соки, оставляя лишь отбросы. Они жаждут лишь одного – нашей гибели.

Я смотрела на обветшалые дома, на голодных детей, на людей, потерявших всякую надежду, и мое сердце сжималось от боли. Не важно, кто прав, а кто виноват, страдали невинные.

Я вспомнила слова Каэла о процветании и благополучии клана Солнца, о светлом будущем, которое они несут миру. И это была еще одна ложь. Или, по крайней мере, только одна сторона медали.

– Я понимаю, – произнесла я, оторвав взгляд от удручающей картины. – Но без света не бывает тьмы. Нужен баланс.

Равен усмехнулся, в его глазах мелькнула какая-то странная искорка.

– Баланс? – повторил он. – Клан Солнца не заинтересован в балансе. Они хотят лишь одного – полного господства.

Я не могла ни согласиться с ним, ни опровергнуть его слова. Я была слишком запутана и растеряна. Одно я знала точно – ни Каэл, ни Равен не говорят мне всей правды. Каждый из них пытался перетянуть меня на свою сторону, представить свою точку зрения как единственно верную.

В этот момент я осознала, что я не могу слепо доверять ни одному из них. Мне нужно самой разобраться во всем, найти истину и принять собственное решение. Ведь от моего выбора зависела не только моя судьба, но и судьба двух враждующих кланов. И я не имела права ошибиться.

После жутковатого тура по нищей столице, Равен привел меня в свой замок. Он возвышался над местностью, словно памятник тоске, вырезанный из самой тьмы. Скорее крепость, чем дом, прилепленная к скале, как паразит, высасывающий из нее последние соки жизни. Чёрный, почти без единого украшения, он казался продолжением скалы, на которой стоял – несокрушимым, холодным, и безнадежно одиноким.

Надёжные, словно готовые отразить атаку целой армии, стены окружали замок. В узких окнах-бойницах, казалось, отражались не солнечные лучи, а лишь мрачная решимость тех, кто их воздвиг. Даже воздух здесь казался гуще и тяжелее.

Как только я переступила порог, меня окутала ледяная хватка длинных запутанных коридоров. Они казались лабиринтом, ведущим в самое сердце тьмы. Стены давили, украшенные древними гобеленами, чьи сюжеты были настолько мрачными и сложными, что вызывали лишь тревогу и недоумение. В полумраке коридоров отчетливо ощущался запах плесени и старины, странно смешанный со сладковатым, тяжелым ароматом ладана, словно замок скорбел по давно ушедшим временам.

С каждым шагом по этим коридорам моя тревога росла. Замок Равена буквально дышал секретами и какой-то скрытой опасностью. Казалось, за каждым поворотом притаилось нечто, чего я еще не знаю, что-то пугающее, что готово вырваться наружу и поглотить меня.

Молча Равен провел меня лабиринтом коридоров, пока мы, наконец, не оказались перед деревянной дверью. Он распахнул ее, и я увидела просторную, но аскетично обставленную комнату. Высокая кровать под тёмным балдахином, казавшаяся подобием склепа, грубый деревянный стол, массивное зеркало в тяжёлой резной раме, словно отражающее не столько моё лицо, сколько мою душу, и пара простых стульев – вот и вся обстановка. Ничего лишнего, ничего, что могло бы согреть или придать уюта этому месту.

– Это твоя комната, – глухо произнес Равен, избегая моего взгляда. В его голосе чувствовалась усталость и какая-то отстраненность. – Здесь ты будешь жить.

С этими словами, словно брошенными в пустоту, он повернулся и исчез, оставив меня наедине с собой в этой холодной, каменной оболочке. Замок поглотил звук его шагов, оставив меня в полной тишине.

Я обернулась осматриваясь. Комната давила, погружала в состояние изоляции, отрезая от внешнего мира. Поддавшись невольному порыву, я подошла к узкому окну и выглянула наружу. С этой высоты открывался захватывающий, но в то же время жуткий вид. Бескрайние чернильные леса простирались до горизонта, словно приглашая заблудиться в их глубинах. Скалистые вершины гор, острые, как зубы хищника, тянулись к сумрачному небу. Дикая, безжизненная красота, внушающая страх и трепет.

Бессильно опустившись на край кровати, я почувствовала, как во мне сталкиваются страх и какое-то странное, томительное предчувствие. Я знала, что Равен не оставит меня в покое. Он вернется, рано или поздно, чтобы потребовать от меня того самого решения, которое определит судьбу его клана, клана Тьмы и, возможно, всего этого мира.

Но прежде чем сделать этот выбор, я должна узнать его. Понять, что им движет, каковы его истинные намерения и, самое главное, как он относится ко мне. Потому что в этом мире, как я уже поняла, никому и ничему нельзя верить безоговорочно.

Я прислушалась к тишине, царившей в замке, и впервые за долгое время почувствовала прилив решимости. Я больше не позволю играть собой, быть марионеткой в чужих руках. Я возьму свою судьбу в свои собственные руки и сама решу, каким будет мой путь. А для этого я обязана узнать всю правду. Всю без остатка. И только тогда я приму решение. И оно будет моим.

Чтобы хоть как-то отвлечься от гнетущих мыслей, я решила лучше осмотреть комнату, любезно или не очень предоставленную мне Равеном. Называть ее камерой было бы оскорбительно, все же потолки высокие, и площадь немаленькая. Но ощущение, что я здесь заперта, никуда не делось. Комната казалась обезличенной. В шкафу обнаружилось лишь скудное собрание темных платьев, больше подходящих для траурной процессии, чем для жизни. На туалетном столике меня ждало лишь моё собственное бледное отражение в старинном зеркале, не скрашенное ни единой безделушкой.

Вскоре в мою комнату внесли огромную чугунную ванну, покоившуюся на когтистых львиных лапах. Затем, словно повинаясь невидимому сигналу, появились служанки – тихие призраки в темных одеждах, скользящие по комнате, не издавая ни звука. Без единого слова, без единого взгляда в мою сторону они принялись наполнять ванну горячей водой, быстро окутывая комнату клубами пара. В воздухе разлился горьковатый аромат трав, напоминающий о чём-то давно забытом.

Вода казалась спасением. Я погрузилась в неё, в надежде смыть с кожи не только грязь, но и липкую паутину лжи, которой меня опутала эта ситуация. Тепло расслабляло натруженные мышцы, и на мгновение я почувствовала себя хоть немного в безопасности.

После купания служанки также бесшумно принесли ужин: тарелку густого супа из каких-то неопознанных кореньев и кусок черного плотного хлеба. Еда была простой, даже скудной, но после бесконечного путешествия и похищения даже она показалась мне восхитительной.

Всю трапезу я провела в напряжённом ожидании. Я надеялась, что Равен придет, объяснит что-нибудь, хоть немного прояснит ситуацию. Мне нужно было вырвать у него хоть слово правды, отделить ее от хитросплетений лжи. Но он не появился. Время тянулось медленно и мучительно, растворяясь в тишине и мраке замка. Дверь оставалась закрытой, словно отгораживая меня от всего мира.

Устав от ожидания и от собственных навязчивых мыслей, я решила лечь спать. Задув почти все свечи, оставив лишь одну, робко трепещущую в дальнем углу комнаты, создающую причудливые тени на стенах, я забралась под тяжелое, словно свинцовое, одеяло. Тревога не отпускала, не давала расслабиться, но усталость брала свое.

Когда я уже почти провалилась в сон, сквозь дрему почувствовала мягкий толчок на кровати. С трудом разлепив веки, я увидела рядом с собой, прямо на подушке... кота. Пушистого, кота с пронзительными изумрудными глазами, смотрящими на меня с какой-то мудрой, почти человеческой проницательностью.

– Пушок? – едва успела прошептать я, прежде чем снова провалиться в сон. Усталость выключила мой разум. Я не удивилась ни тому, как этот кот попал в запертую комнату, ни тому, что он вообще здесь делает. В полусонном состоянии мне показалось вполне естественным его присутствие здесь.

Глава 5.

Я проснулась от тепла. Сначала это было приятное, сонное тепло, которое обволакивало все тело, словно нежное одеяло. Потом я почувствовала легкое поглаживание по плечу, и это ощущение стало более конкретным, более требовательным. Затем... Его рука скользнула ниже, к моей груди, и прикосновение стало настойчивым, медленным, кружащим по соску. Мое тело отреагировало мгновенно, даже во сне сосок затвердел, прося еще ласки. В голове царил туман, остатки сна перемешивались с неясным томлением.

– Пушок, перестань, – прошептала я, не открывая глаз. Я попыталась отмахнуться от назойливой руки, но ее прикосновения становились только более уверенными, более чувственными.

Прикосновения внезапно прекратились, оставив меня в странном, тревожном вакууме. И в этот момент я услышала низкий, бархатистый, но явно удивленный голос над собой:

– Пушок? Что это такое?

Я резко распахнула глаза, и мое сердце бешено заколотилось в груди. Прямо передо мной, на моей подушке, лежал Равен. Его темные волосы разметались по подушке, обрамляя его лицо, а пронзительные глаза смотрели на меня с какой-то странной смесью интереса, насмешки и... голодной похоти. Его взгляд прожигал меня насквозь, словно он уже раздевал меня и касался каждого сантиметра кожи.

Резко вскочив с кровати, я отшатнулась от него. От неожиданности и возмущения я забыла про всякую вежливость, про все правила приличия.

– Какого черта ты тут делаешь?! – выпалила я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – И с каких это пор ты позволяешь себе меня... трогать?

Равен приподнялся на локте и нагло, оценивающе окинул меня взглядом, а я почувствовала, как к щекам прилило краска смущения. Я сложила руки на груди, чтобы немного отгородиться от него и создать искусственную преграду, а заодно и спрятать торчащие соски, которым так и хотелось ощутить еще ласки.

– Ты так соблазнительно спала, Милана, – ответил он, растягивая слова, словно пробуя их на вкус. В его голосе звучало неприкрытое восхищение. – Я просто не смог удержаться. Твоя кожа словно светилась в полумраке, и я... поддался искушению.

Я почувствовала, как щеки окончательно заливаются краской, и горячая волна пробегает по всему телу. Его слова звучали как оправдание, но в то же время и как вызов. Он словно говорил: "Я этого хотел, и я это сделал".

– Это моя комната, – возмущенно произнесла я, пытаюсь скрыть смущение за показным гневом. – И я не давала тебе никакого разрешения здесь находиться.

– Разве? – Равен приподнял бровь, лукаво улынувшись, и я почувствовала, как внутри меня все сжимается от напряжения. – А кто минуту назад, так сладко зевая, звал меня Пуш-ком?

Я покраснела до корней волос, проклиная свою сонливость, этого чертового кота и свою собственную опрометчивость.

– Это ничего не меняет! – выпалила я, стараясь говорить как можно тверже. – Ты должен был спросить. И вообще, сейчас же убирайся отсюда.

Равен медленно поднялся с кровати, не сводя с меня глаз. Он был высоким и сильным, его тело, едва прикрытое тонкой тканью рубашки, излучало силу и чувственность. В этой комнате, в полумраке утра, он казался еще более опасным и притягательным.

– Как скажешь, – прошептал он, делая шаг в мою сторону. Его голос был хриплым и тихим. – Но я обязательно вернусь, Милана. И когда это произойдет, ты сама попросишь меня остаться. Будешь умолять меня.

С этими словами он развернулся и, неспешно подойдя к двери, вышел из комнаты, оставив меня в полном смятении. Что это было? Неприкрытый флирт? Угроза? Или всего лишь глупая шутка, призванная вывести меня из равновесия? Я не знала, но чувствовала, что мое сердце колотится как бешеное, а тело горит от странного, смешанного чувства – страха и... возбуждения. Кажется, мое пребывание в замке Теней с этого момента станет намного более... "интересным". И, возможно, намного более... опасным.

Я растерянно наблюдала за тем, как Равен исчезает за дверью, ощущая себя полной идиоткой. Только что я выставила его за дверь, а ведь больше всего на свете сейчас хотела поговорить с ним, узнать, что происходит, почему я здесь. Но вместо этого я повела себя как испуганная девчонка. Ладно, еще будет шанс. Рано или поздно он должен будет объяснить мне всё.

Решив, что с Равеном я разберусь позже, я оглядела комнату, ища взглядом кота. Чертов Пушок! Именно из-за него все и произошло. Я отчетливо помнила, как он запрыгнул ко мне на кровать, как свернулся клубочком рядом, согревая своим теплом. Я даже почувствовала, как его пушистая шерсть щекочет мою щеку. Но сейчас в комнате не было ни малейшего намека на его присутствие.

Я заглянула под огромную кровать с балдахином, осторожно отодвинула тяжелые портьеры, осмотрела каждый уголок, куда мог бы забраться кот. Но Пушка нигде не было. Как сквозь землю провалился.

В этот момент дверь тихонько скрипнула, и в комнату вошла служанка. Та самая, что приносила мне ужин вчера, – тихая, сдержанная, почти бесцветная. Она двигалась так плавно и бесшумно, что казалась тенью, а не живым человеком.

– Доброе утро, госпожа, – проговорила она, слегка склонившись в учтивом поклоне. – Меня зовут Лили, я назначена вашей личной служанкой. Буду заботиться о вас и выполнять все ваши просьбы.

– Доброе утро, Лили, – ответила я, пытаюсь сосредоточиться. Все еще находясь под впечатлением от утреннего визита Равена и таинственного исчезновения кота, я чувствовала себя немного дезориентированной. – У меня к тебе вопрос. Вчера вечером ко мне в комнату заходил кот. Пушистый такой с пронзительными зелеными глазами. Ты его не видела?

Лили нахмурилась, словно я сказала какую-то несусветную глупость. Ее лицо, и без того не отличавшееся выразительностью, стало еще более непроницаемым.

– Кот, госпожа? – переспросила она, словно не расслышала. – В замке нет кошек. Никогда не было. И не может быть, чтобы кот проник в вашу комнату. Здесь всегда заперты двери и окна на ночь, а охрана следит за каждым шорохом... Должно быть, вам приснилось.

Я нахмурилась, чувствуя, как раздражение нарастает внутри меня. Как это возможно, чтобы мне приснилось то, что я ощущала так явно? Я же совершенно точно помню Пушка. Я чувствовала его мягкую шерсть под рукой, слышала его тихое мурлыканье, видела, как его зеленые глаза светятся в полумраке комнаты. Неужели я схожу с ума?

– Но я же видела его, – настаивала я. – Он точно был здесь. Может, он выскочил, пока ты заходила?

Лили твердо покачала головой, ее лицо оставалось бесстрастным.

– Уверяю вас, госпожа, в замке нет кошек. И я не видела никакого кота. Если бы здесь был кот, я бы обязательно заметила. Я очень внимательна.

Холодок пробежал по моей спине, и я почувствовала, как внутри меня зарождается смутная тревога. Что это значит? Почему мне твердят, что кота не было, когда я точно знаю, что он был? Неужели я схожу с ума и мне мерещатся коты? Или в этом замке действительно происходит что-то странное, мистическое, что не поддается логическому объяснению? Чем больше я думаю об этом, тем глубже запутываюсь.

Самой большой мой страх был – это сойти с ума. Если я начну рассказывать всем подряд о коте-призраке, которого никто, кроме меня, не видел, то очень скоро меня сочтут поло-

умной. И тогда мои шансы узнать правду о том, что здесь происходит, упадут до нуля. Нет, поиски Пушка должны стать моим личным тайным расследованием. Операция "Найди Кота", так сказать. Я должна сама найти этого ускользающего зверя и понять, сон это был или явь, не привлекая лишнего, нежелательного внимания.

Поэтому я сделала вид, что просто забыла о ночном визитере, как о мимолетном сне. Позволила Лили увлечь меня в вихрь утренних ритуалов и забот. Она принесла завтрак – не просто тарелку овсянки, а целый поднос деликатесов, словно бы меня решили накормить как в последний раз. Затем она предложила мне на выбор несколько платьев, и после недолгих колебаний я остановилась на простом, но элегантном платье из темно-синего бархата. "Цвет ночного неба", – подумала я, вспомнив о своих тревогах. Лили помогла мне одеться, мягко расправляя складки ткани и застегивая пуговицы, словно я была хрупкой куклой. Потом она принялась за мои волосы. Ее пальцы двигались легко и уверенно, превращая непослушные локоны в сложную, замысловатую прическу. Ее прикосновения были почти гипнотическими. Пока она работала, я пристально наблюдала за ней, пытаюсь уловить в ее глазах хоть какой-то намек на обман, на то, что она знает больше, чем говорит. Но ее лицо оставалось непроницаемым, словно маска, скрывающая все мысли и чувства. Она была безупречной служанкой, и это пугало меня даже больше, чем ее молчание.

Когда все утренние приготовления были закончены и я была вымыта, накормлена, одета и причесана по последней местной моде, Лили мягко и с тихой учтивостью произнесла:

– Господин Равен ждет вас в своем кабинете, госпожа. Позвольте проводить?

Я кивнула, стараясь скрыть волнение, которое нарастало внутри меня, как прилив. Встреча с Равеном была неизбежна. И, несмотря на утренний инцидент и остаточное чувство раздражения от его самоуверенности, я понимала, что он – единственный человек в этом замке, кто может пролить свет на творящуюся здесь чертовщину. Единственный, кто знает, почему я здесь и чего от меня хотят. Я надеялась, что смогу держать свои эмоции под контролем, не поддаваться панике и заставить его, наконец, говорить правду.

Лили провела меня по нескончаемым коридорам замка, настолько длинным и запутанным, что они казались лабиринтом, состоящим из камня и теней. Каждый мой шаг отзывался гулким эхом, словно подчеркивая мою изоляцию, напоминая о том, что мы, возможно, единственные живые существа в этом огромном древнем здании. Стены были увешаны старинными гобеленами, изображающими сцены охоты и сражений, наполненными мрачной красотой и жестокостью. Над ними возвышались портреты – лица давно умерших аристократов, с презрительным любопытством наблюдающих за мной из глубины прошлого. Я старалась запоминать дорогу, хотя понимала, что в этом лабиринте легко заблудиться и провести остаток своих дней, блуждая среди пыльных коридоров и холодных каменных стен.

Наконец, мы остановились перед массивной дверью, окованной железом и украшенной сложной резьбой, изображающей стаю взлетающих воронов. Каждый ворон был вырезан с такой тщательностью и вниманием к деталям, что казалось, будто они вот-вот сорвутся с двери и улетят в темноту. Лили замерла перед дверью и легонько постучала.

– Мы прибыли, господин.

Из-за двери, словно из глубины пещеры, раздался приглушенный, обволакивающий голос Равена:

– Войдите.

Девушка отворила тяжелую дверь и безмолвным жестом пригласила меня войти. Я глубоко вздохнула, стараясь успокоить дрожь в коленях и унять бешеное биение сердца, и переступила порог. Кабинет Равена выглядел именно так, как я и представляла: это было огромное, величественное помещение, заставленное высокими книжными шкафами, до потолка заполненными томами в кожаных переплетах. Тяжелый письменный стол из темного дерева возвышался в центре комнаты, словно алтарь знаний. В огромном камине весело потрескивал огонь,

отбрасывая на стены причудливые танцующие тени и наполняя воздух теплом и запахом сосновых поленьев. И, конечно, в большом кожаном кресле у камина сидел сам Равен. Он выглядел невозмутимым и надменным, словно он был хозяином не только этого замка, но и всего мира. Его пронзительные глаза смотрели на меня с каким-то странным выражением, в котором смешивались интерес, насмешка и... предвкушение.

Жар от камина приятно согревал мое лицо, но ледяные пальцы страха все еще сжимали мое сердце. Равен, изучающе посмотрев на меня, позволил себе легкую, мимолетную улыбку, которая, однако, оставила его глаза холодными и непроницаемыми. Это была маска вежливости, за которой скрывалось нечто гораздо более опасное.

– Еще раз доброе утро, Милана, – произнес он своим глубоким, бархатным голосом, звучавшим одновременно соблазнительно и угрожающе. – Надеюсь, ты хорошо отдохнула? Сон был крепким, ничто не потревожило твой покой? – вопрос с подвохом, как говорится.

Он знал, что я была возбуждена от его прикосновений, что меня это мучает и смущает, и наслаждался моей растерянностью. Он играл со мной, как кошка с мышкой. Но я не собиралась позволить ему увидеть мой страх.

– Доброе утро, Равен, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и уверенно. – Благодарю. Да, ночь прошла спокойно. Очень спокойно.

Я села в кресло напротив него, стараясь сохранять прямую осанку и уверенный вид, и решила не ходить вокруг да около.

– Я хочу знать, почему я здесь. Кто я для тебя, и что ты от меня хочешь? – спросила я прямо, глядя ему в глаза.

Равен откинулся на спинку кресла и некоторое время изучал меня в молчании, словно я была диковинным экспонатом в музее. Его взгляд был оценивающим, пронизательным.

– Твое любопытство похвально, – наконец произнес он, медленно и обдуманно. – И я намерен его удовлетворить. Ты – Долгожданная. Та, кого ждали на протяжении столетий.

"Вот оно, – подумала я. – Сейчас начнется сказка".

– Ты, Милана, – продолжал Равен, его голос стал более торжественным, – являешься обладательницей уникального дара – способностью видеть истинную сущность вещей. Даром, что утратили все остальные. Этот дар – искренность.

– Спасению от чего? – с недоверием спросила я, стараясь, чтобы мое удивление не прозвучало слишком явно.

– От проклятия, – ответил Равен, и в его голосе прозвучала горечь, словно он говорил о старой незаживающей ране. – Проклятия, которое преследует наш род на протяжении веков. Наш клан, клан Теней, обречен на вечную вражду с кланом Солнца. Эта кровопролитная распря истощает нас, ослабляет, делает уязвимыми для внешних угроз.

Его слова эхом отдавались в моей голове, странным образом перекликаясь с тем, что рассказывал Каэл. Но были и существенные различия, тревожные несоответствия. У Каэла речь шла о союзе, о возрождении, а не о спасении от проклятия. Хотя и тот и другой хотели использовать меня в своих целях.

– И как я могу это остановить? – спросила я, стараясь не выдать своего внутреннего смятения.

– Ты можешь увидеть правду, сокрытую за завесой лжи и интриг, – ответил Равен, его серые глаза сверкнули, словно осколки льда. – Ты можешь увидеть, кто является истинным виновником нашей вражды, кто подпитывает ненависть между нашими кланами, стравливая нас словно зверей. Когда ты узнаешь его имя, Милана, ты сможешь освободить нас от гнетущего проклятия.

– И кто же этот виновник? – поинтересовалась я, пытаясь своим вопросом вытянуть из него хоть какую-то конкретную информацию.

Равен отрицательно покачал головой.

– Я не могу тебе этого сказать. Ты должна увидеть это сама. Твой дар должен указать тебе путь, помочь тебе выйти на его след. Но я уверен, что это Каэл.

Я нахмурилась, чувствуя, как в голове роятся противоречивые мысли. Все это было слишком расплывчато, слишком туманно и неопределенно. Он говорил загадками, не желая раскрывать все карты.

– Все равно, я не понимаю зачем я тебе нужна? – спросила я, стараясь, чтобы в моем голосе звучало скорее любопытство, чем страх. – Почему именно я? Почему вы так уверены, что я смогу вам помочь?

– Потому что твой дар – это не просто легенда, Милана. Он реален и силен. Это я знаю наверняка, – ответил Равен, его голос звучал жестче, увереннее. Он резко поднялся с кресла и, обойдя стол, наклонился ко мне. Его лицо было совсем близко, и я почти физически ощутила исходящую от него силу. – Твоя кровь способна не только видеть правду, но и разбить заклатья, сломать цепи, сковывающие нашу мощь. Твоя сила может освободить, но может и уничтожить. Если ты выберешь другую сторону, Милана, я буду вынужден заключить тебя в золотую клетку. Ведь как долгожданная, ты представляешь огромную ценность. Ты можешь помочь не только мне... но и им.

Он словно невзначай сделал акцент на последнем слове, и я поняла, что он имеет в виду клан Солнца. Он ясно дал мне понять, что я – ценный трофей, за обладание которым будут бороться две враждующие стороны.

Не давая мне времени на ответ, он отошел от меня и жестом подозвал к окну.

– Помни, Милана, – произнес он, глядя на заснеженные вершины гор, виднеющиеся вдали, – выбор всегда остается за тобой. Но помни и о том, что каждое твое решение будет иметь последствия. Последствия, которые ты, возможно, даже не можешь себе представить.

Я стояла у окна, ошеломленная всем услышанным. Легенды Равена и Каэла хоть и звучали по-разному, но вели к одному – ко мне. Оба клана считали меня ключом к спасению или возрождению. Но у меня складывалось стойкое ощущение, что кто-то третий плетет сложную паутину интриг, манипулируя обоими кланами, подталкивая их к самоуничтожению. И, к моему ужасу, я начинала понимать, что я – всего лишь пешка в этой игре.

После разговора Равен предложил мне показать здесь все. Экскурсия по замку была тщательно продуманным спектаклем, предназначенным для одной зрительницы – меня. Равен хотел продемонстрировать не только величие своего дома, но и свою собственную силу, свое очарование. Я же, притворяясь восхищенной, осматривала каждый уголок, пытаюсь уловить хоть малейшее присутствие кота Пушка, но залы были неумолимо пустынными, а коридоры – безжизненными. Лишь бледные тени слуг мелькали вдалеке, склоняясь перед Равеном, но одаривая меня настороженными, изучающими взглядами.

Мы проходили мимо величественных гобеленов, оживляющих сцены древних битв и охоты, мимо блестящих доспехов, казалось, хранящих отголоски былых войн, мимо старинных портретов, в чьих глазах, казалось, застыли вековая мудрость и печаль. В одном из залов, залитом холодным светом, Равен остановился у огромного окна, из которого открывался захватывающий вид на заснеженные горные пики.

– Отсюда открывается лучший вид, – произнес он с гордостью, в его голосе слышалось хвастовство владельца. – В ясный день можно разглядеть даже границы владений клана Солнца.

Я натянуто улыбнулась и кивнула, стараясь изобразить восторг, но мои мысли были заняты совсем другим. Я методично сканировала обстановку, надеясь хоть краем глаза заметить неуловимого Пушка, но мои поиски оставались безрезультатными.

После этого Равен решил продемонстрировать свои магические способности, словно желая окончательно покорить мое воображение. Он повел меня в старинную библиотеку, где дубовые полки, казалось, прогибались под тяжестью древних томов. Взмах его руки – и тишину

разрезал шорох древнего пергамента: с полки слетела книга, раскрывшись на нужной странице. Равен прочел несколько строк на незнакомом мелодичном языке, отчего пламя свечей вспыхнуло ярче, отбрасывая причудливые тени, и воздух наполнился ароматом хвои и чего-то едва уловимо мистического.

– Магия – это сила, Милана, – произнес он, глядя мне прямо в глаза, его взгляд был пронзительным и оценивающим. – Сила, способная созидать и разрушать, исцелять и калечить. Сила, которая принадлежит моему роду, сила, которой ты сможешь обладать.

Он провел рукой над раскрытой книгой, и страницы начали переворачиваться сами собой, словно невидимый читатель жадно поглощал древние знания. Впечатление было сильным, спорить с этим было бессмысленно. Его магия завораживала, пленяла, вызывала одновременно восхищение и страх. Но, несмотря на это, у меня не проходило ощущение, что все это – лишь тщательно срежиссированное представление, призванное произвести на меня впечатление, сломать мою волю.

Закончив представление, Равен проводил меня к моей комнате.

– Надеюсь, тебе здесь нравится, – произнес Равен, остановившись в дверях, его голос звучал мягче обычного.

Я кивнула, не решаясь намекнуть, что в комнате однозначно не хватает уюта и тепла. Я всем телом ощутила, что это еще не все и Равен намеренно медлит и не уходит. Он ждет приглашения остаться, а я боялась, что мое тело победит над здравым рассудком.

– Спасибо, Равен, – проговорила я, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, хотя сердце бешено колотилось в груди. – Комната прекрасна.

Он сделал несколько медленных шагов ко мне, сокращая расстояние между нами. Его глаза словно потемнели, стали глубже и загадочнее, а в голосе появилась хрипотца, от которой по телу пробежали мурашки.

– Ты тоже прекрасна, Милана, – прошептал он, нарушая личное пространство, и я ощутила его горячее дыхание на своей щеке. Легкий аромат сандала и чего-то дикого, чуть терпкого, исходил от него, опьяняя и лишая воли.

Его пальцы коснулись моего лица, невесомо скользнули по щеке, спускаясь к шее, вызывая слабую дрожь во всем теле. Я замерла словно парализованная, не в силах пошевелиться. Мозг кричал об опасности, приказывал оттолкнуть его, но тело словно отказывалось повиноваться.

Равен наклонился и накрыл мои губы поцелуем. Нежные поначалу его губы быстро стали требовательными, настойчивыми, словно желая выпить меня до дна. Я попыталась сопротивляться, отстраниться, но он лишь сильнее прижал меня к себе, не давая возможности вырваться.

– Я так долго ждал тебя, Милана, – прошептал он, прерывая поцелуй, но не отстраняясь. Его горячее дыхание опаляло кожу моей шеи. – Я чувствую невероятное влечение к тебе. Я словно одержим тобой, Милана. Я не могу ничего с этим поделать.

Его слова, его прикосновения обжигали меня, пробуждая странные, неведомые доселе чувства. Вопреки здравому смыслу, вопреки разуму, в глубине души я понимала, что хочу этого поцелуя, что жажду его прикосновений, что готова утонуть в его объятиях. Его слова звучали как заклинание, как приворотное зелье, и я почти поддалась ему, почти сдалась на милость его власти.

Но в голове всплыл образ Каэла. Вспомнилась та хитроумная игра, в которую я невольно оказалась втянута. И с невероятными усилиями, собрав остатки воли в кулак, я оттолкнула Равена, вырвалась из его объятий.

– Не надо, – прошептала я дрожащим голосом, отступая от него, словно от огня. – Это... неправильно. Нельзя.

Я увидела, как в его глазах вспыхивает гнев, как сменяется маска соблазнителя на холодного и властного хозяина. Но он сдержался, усмирив бурю, бушующую внутри.

– Как знаешь, – произнес он, отступая от меня. Его голос теперь звучал отстраненно и холодно, как будто он заново воздвиг между нами невидимую стену. – Но помни, Милана, – он сделал короткую паузу, прожигая меня взглядом, от которого по спине пробежали мурашки, – однажды ты сама придешь ко мне. Ты захочешь этого.

С этими словами он развернулся на каблуках и вышел из комнаты, оставив меня стоять в полном онемении. Прислонившись спиной к холодной двери, я чувствовала, как дрожит все мое тело, как бьется сердце, словно готово проломить грудную клетку. Что сейчас произошло? Эта сцена была тщательно спланирована или просто порыв страсти? Почему я не смогла оттолкнуть его сразу? Почему я позволила ему так близко подойти? Что со мной происходит?

После ухода Равена комната казалась пропитанной невысказанными словами, нереализованными желаниями и тяжелым привкусом опасности. Прислонившись к прохладной поверхности двери, я ощущала, как бешено колотится сердце. Осознание собственной уязвимости накрыло меня с головой. Я оказалась в паутине интриг, плетущейся вокруг меня, и, что еще страшнее, обнаружила в себе искру нежелательного влечения к этому опасному человеку. Меня пугало то, как легко он мог сломить мою волю, как его прикосновения вызывали во мне дрожь и желание, которое я не могла себе позволить.

Внезапный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Я выпрямилась, стараясь придать лицу невозмутимое выражение.

– Войдите, – произнесла я, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

В комнату несмело вошла служанка, которую приставили ко мне. Кажется, она представилась Лили.

– Добрый день, госпожа, – прошептала девушка, склонив голову в знак приветствия. Ее голос был тихим и робким, словно боялся нарушить тишину замка. – Я принесла вам воды и полотенца.

– Спасибо, – ответила я, стараясь говорить дружелюбно и непринужденно. – Лили, скажи, ты давно служишь в замке?

Лили с явной нервозностью поставила кувшин с водой на резной столик и, избегая моего взгляда, пробормотала:

– Около года, госпожа.

– И тебе здесь нравится? – продолжала я, надеясь завязать разговор и вывести хоть какую-нибудь информацию. – Какие здесь обычаи, правила? Я бы хотела знать, как здесь принято себя вести.

Я улыбнулась, стараясь показать, что не представляю никакой угрозы, но чувствовала, как Лили внутренне напрягается. Она переминалась с ноги на ногу, опускала взгляд и отвечала односложно, словно каждое слово требовало от нее огромных усилий.

– Здесь все строго, госпожа, – наконец еле слышно произнесла она. – Слуги должны быть исполнительными и молчаливыми. Господин не любит, когда его беспокоят по пустякам.

Я тяжело вздохнула. Стало ясно, что выудить что-либо из Лили будет непросто. Она явно чего-то боялась, и перспектива делиться информацией со мной ее совершенно не привлекала. Девушка казалась перепуганной птичкой, готовой вспорхнуть в любой момент.

– Хорошо, – сказала я, сдаваясь. – Тогда, может быть, ты расскажешь мне о... о домашних животных?

Лили удивленно вскинула тонкие брови. Ее глаза расширились, словно я задала ей какой-то неприличный вопрос.

– Нет, госпожа, здесь никого не держат. Господин... не любит животных. Он считает их грязными и бесполезными.

Мои надежды найти Пушка постепенно таяли, обращаясь в горький пепел.

Вскоре Лили принесла мне обед. Он был простым, без изысков, но сытным: густой овощной суп, щедрый кусок жареного мяса и свежий, ароматный хлеб. Я съела все с нескрываемым аппетитом, чувствуя, как возвращаются силы.

– Спасибо, Лили, – сказала я, отодвигая пустую тарелку. – Я немного устала. Пожалуй, прилягу отдохнуть.

– Хорошо, госпожа, – ответила Лили. – Если вам что-нибудь понадобится, позовите. Я буду неподалеку.

Она быстро и ловко убрала со стола, стараясь не издавать ни звука, и, низко склонив голову, поспешно вышла из комнаты, будто боялась нарушить мое уединение.

Как только за ней захлопнулась дверь, я облегченно вздохнула. Обстановка стала казаться менее напряженной. Недолго думая, я разделась, оставив на себе лишь шелковую ночную сорочку нежного лавандового цвета, и забралась в просторную кровать под балдахином. Постель была удивительно мягкой и теплой, словно ждала меня, чтобы укрыть от всех невзгод. Я почувствовала, как веки наливаются свинцовой тяжестью, как уходит напряжение, скопившееся за день.

Я всем сердцем надеялась, что Пушок появится. Я живо представила себе, как он ловко запрыгнет ко мне на постель, как я прижму его к себе, почувствую его тепло и услышу уютное мурлыканье. Мне безумно не хватало его сейчас, в этой враждебной обстановке.

И, словно в ответ на мои самые сокровенные мысли, я услышала тихий шорох в углу комнаты. Открыв глаза, я увидела, как на постель, словно темная тень, запрыгивает здоровенный пушистый котик. Это был Пушок!

Я протянула к нему руку, и он, потерся мягкой мордочкой о мою ладонь, издав тихое, довольное мурлыканье. Затем он, словно уставший от долгих поисков, свернулся мягким клубочком у меня в ногах, согревая своим теплом.

Я закрыла глаза, чувствуя, как постепенно расслабляется каждая клеточка моего тела. Усталость взяла свое. Не успела я полностью осознать произошедшее, как провалилась в глубокий, безмятежный сон. Рядом со мной, согревая своим теплом и охраняя мой покой, мирно посапывал кот, который точно не был плодом моего воображения и уж точно не был призраком.

Глава 6.

Я проснулась от противного ощущения холода, пробравшегося сквозь толстое одеяло. Несколько долгих секунд я находилась в полусонном состоянии, отчаянно пытаюсь вспомнить, где я нахожусь и как сюда попала. День всплывал в памяти обрывками, словно кадры из тревожного сна: Равен, его холодный взгляд, странная, испуганная служанка Лили, и... Пушок!

Меня словно ударило током. Я резко распахнула глаза, окончательно проснувшись от внезапно нахлынувшего волнения. Рядом со мной, как и следовало ожидать, никого не было. Ни пушистого клубочика тепла, ни успокаивающего тихого мурлыканья, ни даже намека на присутствие кота. Пушок исчез. Снова. Словно его и не было.

Внутри меня все похолодело, сковало льдом нарастающей тревоги. Куда он подевался? Почему он появляется и исчезает, словно призрак или плод моего воображения? Мои тревоги, и без того сильные, усиливались с каждой прошедшей минутой, подпитываясь необъяснимостью происходящего.

Я резко скинула одеяло в сторону и, борясь с ознобом, встала с кровати. Ощупала взглядом комнату, словно ища взглядом моего пушистого друга, стараясь при этом не поднимать лишнего шума, чтобы не привлекать внимания нежелательных свидетелей. Опустилась на колени и заглянула под кровать — темнота скрывала все, и там, конечно же, было пусто. Провела рукой по складкам тяжелых бархатных штор, надеясь найти за ними это гигантский комок шерсти, которого я назвала Пушком — и снова никого. Открыла дверцы огромного платяного шкафа, но кота там не было. Пушок словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь вопросы и усиливающееся чувство нереальности происходящего.

Сердце бешено колотилось в груди, а паника, холодная и липкая, обволакивала меня с головы до ног. Что-то здесь было не так. С котом что-то неладно. Либо он не совсем обычный кот, либо... это и вовсе не кот, а нечто, принимающее облик кота. Эта мысль показалась мне настолько абсурдной, что я попыталась отбросить ее прочь, но она, словно заноза, засела в моем сознании и не давала покоя. Она казалась нелепой, но в то же время единственно возможным объяснением происходящего безумия.

Именно в тот момент, когда я, стоя на коленях в неудобной позе, старалась разглядеть хоть что-то в кромешной тьме под кроватью, раздался знакомый бархатистый голос, пронизывающий тишину комнаты словно клинок:

– Милейшая гостья, если бы я знал, что меня будут встречать на коленях, заглядывая в самые потаенные уголки моего замка, я бы непременно отменил все дела и зашел гораздо раньше. Боюсь, я упустил весьма пикантную сцену.

Я резко выпрямилась, не заметив низкого края кровати, и с силой ударила головой. Искры посыпались из глаз, но физическая боль была ничтожной по сравнению с ощущением раздражения. Равен стоял в дверном проеме, облокотившись на косяк, и смотрел на меня сверху вниз с хищной усмешкой, играющей на его чувственных губах. Его глаза, темные и пронзительные, словно сканеры оценивающе скользили по моей фигуре.

– Чего ты хочешь??? – огрызнулась я, растирая ушибленное место на затылке.

– Всего лишь убедиться, что моя прекрасная гостья хорошо отдохнула, – невозмутимо ответил он, продолжая буравить меня своим пристальным, немигающим взглядом. – И, судя по всему, ты полна энергии и готова к новым открытиям.

– Я ищу кота, – процедила я сквозь зубы, стараясь сохранять хотя бы видимость спокойствия.

– Кота? В моем замке? – Равен вскинул бровь, изобразив на лице крайнюю степень удивления, граничащего с недоверием. – Ты, должно быть, что-то путаешь, Милана. Я не держу домашних животных. Считаю их лишь источником грязи и беспокойства.

– Он был здесь! – упрямо повторила я, повышая голос, несмотря на страх. – Он был в моей комнате. Я сама видела его.

– Возможно, тебе это приснилось, – пожал он плечами, словно говоря о чем-то совершенно неважном. – Усталость и непривычная обстановка могут сыграть злую шутку.

– Нет, не приснилось, – я чувствовала, как закипаю от злости и беспомощности. – Скажи мне правду! В этом замке есть тайные ходы? Потайные комнаты?

В его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на намек на правду, на отблеск заинтересованности, но тут же сменилось привычной непроницаемой маской, скрывающей его истинные мысли и намерения.

– Тайные ходы? – повторил он медленно, словно оценивая каждое произнесенное слово, смакуя его вкус. – Естественно, Милана. В замке, история которого насчитывает не одно столетие, непременно найдутся свои секреты. Секреты, которые охраняются веками.

– Значит, они есть. Покажи мне их. Позвольте мне их осмотреть. Может быть, этот кот... или кто бы он ни был, знает, где они находятся! Может быть, он использует их, чтобы незаметно перемещаться по замку.

Равен расхохотался. Его смех был холодным, резким и неприятным, словно ледяной ветер, пронзивший меня насквозь, оставив после себя лишь ощущение безысходности.

– Милана, ты слишком любопытна, – сказал он, прекратив смеяться и приблизившись ко мне на опасное расстояние, – и это может быть... весьма опасно для тебя. Тайны моего замка – это мои тайны, и они не предназначены для посторонних глаз. И уж тем более я не собираюсь делиться ими с тобой. Тебе лучше оставить свои поиски и наслаждаться гостеприимством этого места. Не забывай, что ты здесь гостя и твое положение довольно... шаткое.

Слова Равена злое еще повисли в воздухе, словно свинцовые капли после грозы, предвещающие новую бурю. "Шаткое положение..." Что он имел в виду под этим двусмысленным намеком? Я отчаянно попыталась скрыть дрожь, охватившую меня, притворившись, что его слова не произвели на меня никакого впечатления, и набрала в легкие побольше воздуха, чтобы казаться спокойнее.

– В таком случае, – с деланным спокойствием, стараясь придать голосу твердость, произнесла я, – мне пора привести себя в порядок и спуститься к завтраку. Не стоит заставлять тебя ждать. Я же и так "долгожданная", – мой сарказм был яснее ясного. То он мне говорит, что от меня зависит судьба клана, то положение у меня "шаткое". Пусть уж определится, а то биполярочкой попахивает.

Равен, казалось, уловил намек, но не стал развивать тему. Он лишь продолжал пристально наблюдать за мной, словно хищник, высматривающий добычу, и в его темных, бездонных глазах скользнуло что-то напоминающее... не то интерес, не то презрение. А может, это всего лишь игра моего перепуганного воображения?

– Прекрасная идея, – ответил он, слегка склонив голову в небрежном, но элегантном поклоне. – Жду тебя в столовой через час. Мы позавтракаем вместе, и у меня есть для тебя кое-что крайне важное... то, что изменит твоё представление о самой себе.

Он не потрудился объяснить, что именно он имел в виду под этой туманной фразой, лишь бросил быстрый изучающий взгляд и исчез в полумраке коридора так же внезапно и бесшумно, как и появился. Я осталась стоять посреди комнаты, чувствуя себя не пленницей, а подопытным кроликом в его эксперименте.

В отчаянной попытке хоть немного успокоиться и унять дрожь, пробежавшую по всему телу, я подошла к большому зеркалу в тяжелой раме, висевшему на стене между двумя высокими окнами. Мое отражение выглядело плачевно и удручающе: растрепанные волосы, бледное, осунувшееся лицо и запавшие глаза, в которых плескался страх. Я напомнила себе, что должна сохранять спокойствие и быть собранной. Паниковать – последнее, что мне сейчас нужно. Поддаться страху означало признать свое поражение.

Приведя себя в порядок настолько, насколько это было возможно в сложившейся ситуации – умывшись ледяной водой, надеясь, что она хоть немного поможет вернуть румянец моим щекам, и собрав волосы в небрежный пучок, – я выбрала одно из платьев, найденных в шкафу. Оно было простым, но элегантным, из плотной ткани насыщенного цвета морской волны, с длинными рукавами и высоким воротником.

Меня словно магнитом тянуло к разгадке тайны Пушка. Вопросы роились в голове, мешая сосредоточиться. Что за странное существо появлялось в моей комнате? Почему только я его вижу? Кто или что стоит за этим? Хотелось немедленно отправиться на поиски, исследовать каждый уголок замка, но я понимала, что сейчас мне необходимо следовать правилам, установленным Равеном. Подчиниться его воле, чтобы потом, возможно, получить шанс действовать самостоятельно. Смирение – это всего лишь тактика, а не признак слабости.

Ровно через час, стараясь не опаздывать, я стояла перед массивной дверью столовой. Собравшись с духом и подавив нарастающее чувство тревоги, я толкнула дверь и вошла, с прямой спиной и высоко поднятой головой.

Столовая оказалась огромным, мрачноватым залом с непомерно высоким потолком, украшенным тусклыми люстрами, и длинным дубовым столом, накрытым изысканной посудой явно только для двоих. Равен сидел во главе стола, как и подобает хозяину, одетый в безупречный черный костюм. Он источал уверенность и силу, выглядел невероятно элегантно и... безусловно, опасно.

На столе, сверкая серебром, стояли тяжелые подносы с разнообразными блюдами— от свежей ароматной выпечки и экзотических фруктов до замысловатых мясных закусок. Аромат свежесваренного крепкого кофе бодряще наполнял комнату, смешиваясь с запахом старого дерева и дорогих духов.

– Милана, – приветствовал меня Равен, когда я неслышно подошла к столу. Его голос звучал мягко, но в нем чувствовалась скрытая сталь. – Рад, что ты решила присоединиться ко мне. Боюсь, у меня не так много интересных собеседников в этом замке.

Я скромно села на предложенный стул и попыталась изобразить на лице что-то похожее на вежливую улыбку, хотя внутри все сжалось от напряжения.

– Выглядишь прекрасно, – лениво заметил он, оценивающе кивнув на мое платье. – Цвет тебе к лицу.

– Спасибо, – ответила я, стараясь всеми силами избегать его пронзительного взгляда, от которого по спине пробегали мурашки.

Ужин прошел в гнетущей, напряженной тишине, нарушаемой лишь тихим звоном столовых приборов о фарфор. Равен пил немного, ограничившись лишь парой глотков напитка из кубка, и в основном молча наблюдал за мной, словно я была каким-то редким экспонатом в музее. Я же, в свою очередь, пыталась хоть что-нибудь проглотить, чтобы не обидеть хозяина, но кусок застревал в горле, отказываясь пролезть дальше.

Наконец, когда ритуал поглощения пищи с обеих сторон был завершен, Равен откинулся на высокую спинку стула и, сложив руки в замок на груди, посмотрел на меня своими всевидящими, пронзительными глазами.

– Милана, я обещал тебе кое-что рассказать, – начал он, нарушив тишину своим бархатистым голосом. – И это касается твоего... предназначения. Твоего истинного потенциала, который ты так тщательно скрываешь даже от самой себя.

Я мгновенно насторожилась, как зверь, услышавший приближение охотника.

– Предназначения? – переспросила я, стараясь выиграть время и собраться с мыслями. – Какого еще предназначения? Я обычный человек, оказавшийся здесь по... нелепой случайности

– Я знаю, что ты чувствуешь себя потерянной, испуганной и дезориентированной, – продолжил Равен, словно не слыша моего вопроса. – Но поверьте, Милана, ты не случайный чело-

век в моей жизни. Судьба не привела бы тебя сюда просто так. В тебе заложен огромный, нераскрытый потенциал, о существовании которого ты даже не подозреваешь. Ты – ключ, Милана. Ключ к чему-то гораздо большему, чем ты можешь себе представить.

Он сделал многозначительную паузу, пристально наблюдая за моей реакцией, словно пытаюсь прочитать мои мысли.

– Я буду обучать тебя магии, – наконец произнес он, как приговор.

Я опешила. Слова Равена прозвучали настолько неожиданно, что повергли меня в состояние шока и полнейшего недоумения.

– Магии? – недоверчиво переспросила я, ощущая, как по моему лицу расползается кривая усмешка. – Но я... я не чувствую в себе никакой магии. Я обычная девушка, а не сказочная волшебница. Ты должно быть, ошиблись.

– Это лишь потому, что она дремлет глубоко внутри тебя, – терпеливо ответил Равен, не обращая внимания на мой скептицизм. – Но я знаю, как ее пробудить. В тебе есть уникальный дар, Милана. Сила, способная изменить мир. И я помогу тебе ее раскрыть... если ты позволишь...

Я смотрела на него, не в силах поверить своим ушам. Магия? Сила? Я? Это казалось совершенно абсурдным, бредом сумасшедшего. Но в глазах Равена я видела не безумие, а твердую, непоколебимую уверенность. И что-то еще... надежду? Или это всего лишь тщательно продуманная маска, скрывающая его коварные планы?

– Я... я не знаю, что сказать, – пробормотала я наконец, чувствуя себя совершенно обесиленной и растерянной.

– Тебе и не нужно ничего говорить прямо сейчас, – ответил Равен, слегка улыбаясь, но в этой улыбке не было тепла. – Просто доверьтесь мне, Милана. Хотя бы на время. И позвольте мне показать тебе то, на что ты на самом деле способны. Тебя ждет мир, полный чудес и возможностей, о которых ты даже не мечтала.

Равен не терял ни минуты. Сразу после ужина, словно прочитав мои мысли или предвидев мои вопросы, он жестом пригласил меня следовать за ним. Мы прошли по длинным коридорам замка, пока не оказались у основания одной из башен. Поднявшись по винтовой лестнице, я задыхалась, но старалась не отставать, пока мы не достигли просторной комнаты, залитой солнечным светом, проникавшим сквозь высокие арочные окна.

В центре комнаты стоял круглый стол из полированного темного дерева, словно алтарь для древних ритуалов. Вдоль стен высились массивные стеллажи, плотно заставленные книгами в потрепанных кожаных переплетах, древними свитками и диковинными артефактами, предназначение которых я даже не могла себе представить. В воздухе витал запах старой бумаги, ладана и чего-то необъяснимо магического.

– Здесь мы будем заниматься! – торжественно объявил Равен, обводя комнату рукой. Его голос эхом отразился от каменных стен. – Магия, Милана, это не только произнесение заклинаний. Она начинается с ментальной дисциплины, с контроля над собственным разумом. Прежде чем ты научишься создавать заклинания и управлять стихиями, ты должна научиться защищать свой разум от чужого воздействия, от нежелательных вторжений. Это – основа всего.

Он уверенно и без лишних слов усадил меня за стол напротив себя. Его взгляд, как всегда, был пронзительным и изучающим, словно он пытался заглянуть в самые потаенные уголки моей души. Я чувствовала себя подопытным кроликом под его пристальным взглядом.

– Сегодня, – продолжил он, не отрывая от меня глаз, – мы будем тренировать сопротивление ментальному воздействию. Я попытаюсь проникнуть в твои мысли, пробиться через твою защиту. Твоя задача – построить несокрушимый барьер, заблокировать мои попытки. Не позволить мне увидеть то, что ты не хочешь показывать. Готова?

Я чувствовала себя неуверенно и растерянно. Магия, ментальные барьеры, вторжение в мысли – всё это казалось чем-то из области фантастики, чем-то совершенно нереальным. Но

я встретила взгляд Равена, стараясь не показывать свой страх и сомнения. Я кивнула, решив довериться ему, хотя внутренний голос отчаянно кричал о том, чтобы бежать.

Мужчина закрыл глаза, и в комнате повисла звенящая тишина. Я ощутила, словно физически, как в мою голову, словно тонкие липкие щупальца, начинают проникать чужие мысли. Это было крайне неприятно, словно кто-то копается в моем грязном белье, нарушая личное пространство. Я тут же попыталась оттолкнуть их, сконцентрироваться на чем-то своем, построить мысленный замок, но мысли Равена были настойчивыми и навязчивыми, словно рой назойливых насекомых.

"Ты красивая... – прозвучало в моей голове. Это было нежным шепотом, но отчетливым и ясным. – Ты особенная... Ты не такая, как все."

Я поморщилась, как от зубной боли. Это не просто попытка ментального вторжения. Это откровенная попытка соблазнения, грязный трюк, призванный ослабить мою защиту.

– Не отвлекайся, Милана, – лениво произнес Равен, не открывая глаз и словно читая мои мысли. – Сосредоточься на защите. Не позволяй чувствам брать верх над разумом.

Я попыталась игнорировать его слова, сосредоточившись на создании мысленного барьера. Я представляла себе высокую непроницаемую стену, окружающую мой разум со всех сторон, но мысли Равена, словно ядовитый туман, продолжали просачиваться сквозь нее, словно вода сквозь решето, отравляя все вокруг.

"Тебе нужен я... – прозвучало в моей голове, на этот раз более требовательно и настойчиво. – Ты хочешь меня... Ты знаешь, что между нами есть связь..."

Я почувствовала, как к щекам предательски приливает жар. Черт возьми, да, я хотела. Это было чистым безумием. И чем больше я старалась оттолкнуть эту мысль, тем сильнее она становилась, словно подпитываемая волей Равена, разрастаясь и подчиняя себе все вокруг.

– Сопровствляйся, Милана, – голос Равена звучал уже ближе, почти интимно, словно он стоял прямо за моей спиной, дыша мне в шею. – Не поддавайтесь своим желаниям. Не позволяй своим инстинктам управлять тобой. Контролируй себя, иначе они поглотят тебя.

Час за часом, казалось, тянулись как вечность. Равен продолжал свою непрекращающуюся ментальную атаку. Он менял тактику: то пытался соблазнить, то запугать, играя на моих страхах и сомнениях, то усыпить мою бдительность ложными обещаниями. Я боролась изо всех сил, чувствуя, как силы медленно, но верно покидают меня, словно кровь из открытой раны. Несколько раз я была готова сдаться, поддаться его воле, принять то, что он мне предлагает, но в последний момент, словно утопающий хваталась за соломинку, вспоминала о том, что поставлено на карту. Моя воля. Моя жизнь.

Наконец, спустя, казалось, целую вечность, я почувствовала, что что-то изменилось. Мой мысленный барьер стал плотнее, прочнее, его стало гораздо сложнее пробить. Я сконцентрировалась на ощущении силы, исходящей изнутри, на уверенности в себе, на осознании собственной ценности. Я это я, и никто не имеет права вторгаться в мой разум и манипулировать мной.

Равен внезапно отпрянул, словно получив удар током, открыв глаза. На его лице, читалось неподдельное удивление, граничащее с потрясением.

– Невероятно, – тихо произнес он, словно пораженный увиденным. – Ты научилась противостоять ментальному воздействию гораздо быстрее, чем кто-либо из моих учеников. У тебя поразительные способности, Милана.

Я тяжело задыхалась, пот лился по лицу, одежда промокла насквозь. Но, несмотря на физическую усталость, я чувствовала себя победительницей, словно покорила неприступную вершину.

– Думаю, теперь я понимаю, – прошептала я, с трудом ворочая языком, – почему меня так страстно тянуло к тебе с самого начала. Ты... ты все время влиял на меня своим сознанием, не так ли? Пытался подчинить меня своей воле?

Равен промолчал, не подтверждая и не опровергая мои слова, но этого было достаточно. Теперь пазл сложился в моей голове. То безумное, неконтролируемое желание, которое я испытывала к нему, унижительная потребность в его близости, было не моей собственной волей, а результатом его бесцеремонного магического воздействия.

Облегчение и гнев, как две противоборствующие стихии, захлестнули меня одновременно, разрывая на части. Облегчение от осознания того, что я не сошла с ума и что мои чувства были лишь тщательно выстроенной иллюзией, искусной манипуляцией. И гнев, яростный, обжигающий гнев на Равена. За то, что он пытался манипулировать мной, превратить в марионетку, лишить собственной личности.

– Ты... ты использовал меня, – прошептала я, стараясь сдержать дрожь в голосе.

– Я лишь тренировал тебя, Милана, – холодно ответил Равен, его голос звучал все также мягко и бархатисто, но я больше не верила ни единому его слову. – Ты должна научиться защищаться от любых видов воздействия, от любых угроз. И соблазнение – один из самых распространенных и эффективных методов проникновения в чужой разум.

– И ты решил использовать меня в качестве подопытного кролика, чтобы проверить свои теории? – с горечью воскликнула я, чувствуя, как внутри меня нарастает волна праведного гнева.

– Я вижу в тебе огромный потенциал, Милана, – ответил Равен. – И, как видишь, я не ошибся. У тебя есть сила, о которой ты даже не подозреваешь. Сила, которая может изменить мир.

Я не ожидала, что мои слова прозвучат так резко. Они сорвались с губ скорее от желания спрятать смущение, чем от искренней злости. Внутри кипел странный коктейль из обиды, унижения, гнева, и... разочарования. Я чувствовала себя обманутой, использованной, но в то же время что-то внутри меня упрямо отказывалось верить в то, что все мои чувства к Равену, – лишь фальшивка, созданная его магией. Слишком быстро развернувшись, я отвернулась от Равена, стараясь скрыть от его пронизательного взгляда смещение, бушующее в моей душе.

– Что ж, я думаю, на сегодня достаточно, – произнесла я, стараясь придать своему голосу ровный, почти ледяной тон, который, как мне казалось, должен был скрыть мою внутреннюю борьбу. – Мне пора принять ванну и отдохнуть.

Не дожидаясь его ответа, не желая видеть ни капли торжества в его глазах, я поспешно вышла из башни. Тишина длинных каменных коридоров замка оглушила меня после напряженной ментальной дуэли. Ноги несли меня прочь от Равена, прочь от этой комнаты, насквозь пропитанной запахом старых книг, магией и двусмысленностью. Прочь от него самого, от этого опасного, притягательного мужчины, так легко манипулирующего моими чувствами.

Я почти бежала по коридорам, словно преследуемая кошмаром, пока не добралась до своей комнаты. Толкнув массивную деревянную дверь, я замерла на пороге, ошеломленная увиденным. В центре стояла огромная медная ванна, наполненная до краев теплой душистой водой. Лепестки роз и жасмина плавали на поверхности, создавая причудливые узоры, а легкий пар, поднимаясь от воды, наполнял комнату пьянящим, почти одурманивающим ароматом. На небольшом столике у изголовья кровати стоял поднос, накрытый вышитой салфеткой. Под ней я разглядела сочные, спелые фрукты, изысканные сыры и кусочек теплого, ароматного пирога – заботливый перекус, чтобы я не ложилась спать голодной после изнурительной тренировки. Мелочь, но трогательная.

Я невольно опустилась на край кровати, чувствуя, как напряжение словно песок сквозь пальцы медленно покидает мое тело вместе с накопившейся усталостью. С одной стороны, я все еще сердилась на Равена за то, что он так бесцеремонно манипулировал моими чувствами, за то, что использовал меня для своих целей. За то, что заставил меня сомневаться в собственной адекватности, в реальности собственных ощущений. За то, что унизил меня, выставил слабой и беззащитной.

Но с другой... как бы я ни пыталась откреститься от этих мыслей, мне было приятно. Приятно ощущать, пусть и полученную таким сомнительным путем, заботу. Приятно, что он, такой могущественный и надменный, все же видит во мне потенциал, что считает меня достаточно сильной, чтобы выдержать такие сложные и опасные тренировки. Приятно, что он пусть и по-своему, но беспокоится обо мне.

И вот тут-то в мою голову, словно ядовитый шип, закралась крамольная мысль, непрощенное семя сомнения, посаженное глубоко внутри. А что, если не все мои чувства к Равену – результат его ментального внушения, его магической игры? Что, если часть этой неистовой, всепоглощающей страсти, этой непреодолимой тяги, возникла сама по себе, как искра, вспыхнувшая между двумя столь разными, столь противоположными натурами? Что, если между нами действительно есть какая-то связь, что-то большее?

Я встряхнула головой, словно пытаюсь физически отогнать эти предательские, опасные мысли. Нет, этого не может быть. Это самообман. Это всего лишь его влияние, его магия, хитроумно играющая с моим разумом, заставляющая видеть то, чего нет на самом деле. Его коварная ловушка, расставленная, чтобы сломить мою волю и подчинить себе.

Но чем больше я пыталась убедить себя в этом, тем сильнее становилось это противное, грызущее изнутри сомнение. Ведь я отчетливо помнила момент нашей первой встречи, тот электрический разряд, который прошел между нами, словно удар молнии, пронзая все мое существо. Тот взгляд, в котором я увидела что-то такое...

И даже сейчас, несмотря на все, что произошло, несмотря на его манипуляции и ложь, я все еще чувствовала это притяжение. Эту непреодолимую тягу к нему, от которой хотелось бежать без оглядки, но которая одновременно манила меня как запретный плод, обещая неземные наслаждения и вечное проклятие.

Я словно загипнотизированная встала с кровати и медленно подошла к ванне. Теплая, пахнущая цветами вода манила, обещая избавление от усталости, душевной боли и тревожных мыслей. Искушение было огромным. Медленно дрожащими руками я начала раздеваться, бросая одежду прямо на пол. Остановившись, я посмотрела на свое отражение в большом зеркале, висящем на стене. Кто я такая? Марионетка в руках могущественного, безжалостного мужчины? Или сильная, независимая женщина, способная самостоятельно выбирать свой путь, не подчиняясь чужой воле? Жертва или охотница?

Вода обволакивала меня, будто теплое шелковое одеяло, лаская воспаленную кожу и успокаивая измученную душу. Каждый мускул расслаблялся, напряжение, копившееся в теле после изнурительной тренировки, медленно растворялось в душистой пене. Я откинулась на край ванны, позволяя аромату роз и жасмина унести меня далеко от забот и сомнений. На какое-то время я забыла о Равене, о его коварных планах и манипуляциях, о магии, плетущей сложные узоры вокруг моей жизни. Были только я, тепло и тихий плеск воды, успокаивающий и умиротворяющий.

После ванны, вытеревшись пушистым полотенцем, я завернулась в мягкий, пушистый халат, поглощающий влагу и дарящий ощущение нежной заботы. Подошла к столику с угощениями, словно голодная волчица, чующая долгожданную добычу. Фрукты оказались сочными и сладкими, взрывающимися во рту фейерверком вкусов, сыр – острым и пикантным, дразнящим рецепторы, а пирог, присыпанный сахарной пудрой, пах корицей, ванилью и домашним уютом – воспоминаниями о далеком детстве. Каждый кусочек, казалось, наполнял меня новыми силами, возвращал к жизни после изнурительной тренировки, дарил кратковременное ощущение нормальности в этом наполненном магией мире.

Закончив трапезу, я прошлась по комнате, стараясь разогнать остатки сонливости, повисшей в воздухе словно густой туман. Я не собиралась сдаваться, не собиралась позволить Равену снова усыпить меня. Я была уверена, что он пришлет этого пушистого котика, Пушка, этакого ангела во плоти, чтобы усыпить мою бдительность, а затем погрузить меня в беспробудный сон,

и в этот раз я хотела быть готовой. Я хотела разгадать секрет его магии, понять, как именно он действует, что это за сила, заставляющая меня засыпать против своей воли.

Я уселась в кресло, взяв с полки книгу в надежде обмануть свою усталость, но буквы расплывались перед глазами, превращаясь в неразборчивые закорючки. Усталость давала о себе знать с удвоенной силой, словно мстила за все мои попытки сопротивления. Я чувствовала, как веки тяжелеют, превращаясь в свинцовые плиты, как мир вокруг начинает меркнуть, теряя свои яркие краски.

Нет, нельзя засыпать. Не сейчас! Я отчаянно старалась сосредоточиться на чтении, вчитываясь в каждое слово, повторяя его про себя, но безуспешно. Что-то давило на меня, словно тяжелое шерстяное покрывало, окутывая сознание, сковывая волю, погружая в блаженную, манящую дрему.

Именно сейчас, в тот самый момент, когда моя борьба достигла своего пика, осознание ударило меня, словно обухом по голове, оглушая своей простотой и очевидностью. Именно в этот момент я поняла! Это не просто усталость, скопившаяся за день, не просто приятный аромат цветов, расслабляющий тело, не просто убаюкивающая тишина ночи. Дело в Пушки. Именно его присутствие, его невидимая аура вызывала эту непреодолимую сонливость, лишала меня сил и воли к сопротивлению. Каждый раз, когда этот пушистое облако невинности оказывался рядом, моя защита ослабевала, словно под воздействием мощного заклинания, и я проваливалась в глубокий, беспробудный сон, словно в бездонную пропасть, где не было ни времени, ни пространства, ни страха.

Сейчас, в этот раз, из-за невероятной усталости, навалившейся на меня после тренировки, из-за эмоционального опустошения, вызванного разговором с Равеном, я не могла противостоять его воздействию. Я боролась из последних сил, цепляясь за остатки сознания, как утопающий за соломинку, но магия Пушки оказалась сильнее моей воли. Тьма наступала, неотвратимо поглощая меня, стирая границы между реальностью и сном.

И я проиграла. Снова.

Провалившись в глубокий сон, я потеряла счет времени. Сколько часов я проспала? Все вокруг слилось в единое бессвязное месиво из обрывков воспоминаний, неясных образов и смутных ощущений. Лишь внезапное, острое осознание чужого присутствия словно ледяной водой окатило, вырвало меня из объятий сна, заставив судорожно вздохнуть.

Я резко распахнула глаза, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди. Вокруг было темно, лишь слабый лунный свет проникал в комнату сквозь неплотно задернутые шторы, рисуя на стенах причудливые тени. Я почувствовала, как кто-то двигается рядом со мной, как чье-то теплое дыхание касается моей щеки. Медленно, с трудом поворачивая голову, словно боясь увидеть то, что увижу, я замерла, не в силах поверить своим глазам, отказываясь принимать реальность.

В моей постели прямо рядом со мной лежал обнаженный Каэл. Его светлые длинные волосы разметались по подушке, а глаза были закрыты. Он мирно, безмятежно спал, обнимая меня одной рукой, будто я самое дорогое сокровище в мире.

Мое сердце бешено заколотилось, отбивая в груди бешеный ритм. Что он здесь делает? Как он здесь очутился? Кто его сюда пустил? И что, черт возьми, мне теперь делать?

Глава 7.

Застигнутая врасплох, я застыла, словно олень в свете фар, ослепленный и парализованный внезапной опасностью. Мозг лихорадочно перебирал возможные сценарии, словно роясь в старом сундуке с забытыми вещами, отчаянно пытаюсь найти хоть какое-то логическое объяснение происходящему, хоть какую-то ниточку, за которую можно было бы ухватиться, чтобы выбраться из этого омут абсурда.

Пока же я просто сидела, охваченная шоком, скованная невидимыми цепями неверия, и смотрела на спящего Каэла, словно он был экспонатом в музее чудовищ.

Но долго оставаться в таком состоянии было невозможно. Нужно был

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.